

座
枯
葉

ЧЁРНЫЙ

БОРИС
Калашников

ОСТРОВ

Миссия выполнима

Борис Калашников

Чёрный остров

«ВЕЧЕ»

2016

Калашников Б.

Чёрный остров / Б. Калашников — «ВЕЧЕ», 2016 — (Миссия выполняема)

ISBN 978-5-4484-8091-1

Командующий Восточноазиатской военной группировкой США адмирал Кондраки и американский сенатор Ферри, разбогатевший на гонке вооружений, заполучают в свои руки секретное биологическое оружие. С его помощью они намереваются захватить власть в своей стране и установить контроль над всем миром. Но о преступных замыслах двух авантюристов становится известно российскому генералу Строеву, который предпринимает решительные шаги по предотвращению катастрофы...

ISBN 978-5-4484-8091-1

© Калашников Б., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

1. Операция «Сакура»	6
2. Адмирал Кондраки	12
3. Сенин нащупал канал	16
4. Белый американец	18
5. Ани Ламберт	20
6. Пятая «морская свинка»	22
7. Лаборатория «733»	24
8. Анджелес	26
9. Цусик	29
10. Свиной грипп	32
11. Никола Бризар	34
12. Рука Москвы	36
13. Контракт подписан	40
14. Синтия Круз в Субике	43
15. Яхта «Калифорния»	46
16. Капитан Пакман	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борис Калашников

Чёрный остров

© Калашников Б.А., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

1. Операция «Сакура»

Семнадцатого марта 1944 года в ноль часов тридцать две минуты по местному времени японская подводная лодка всплыла в трех километрах от западного побережья США неподалеку от рыбацкого поселка Роквэлл. Вместе с капитаном на палубу поднялся похожий на большого черного муравья человек в каучуковом гидрокостюме.

Ночь была звездная, на небе светился тонкий серп молодого месяца, впереди темнела громада берега. Слева, там, где береговая линия изгибалась, образуя овальный выступ, россыпью золотых огоньков светился поселок. Однако, прямо по курсу, глазу не за что было зацепиться – сплошная, не нарушаемая ничем темнота.

– Ну, вот, лейтенант, вышли точно к району пляжа, – с удовлетворением сказал капитан, обращаясь к человеку в гидрокостюме. – Место в это время тихое и безлюдное, то, что тебе нужно.

У борта лодки уже покачивался на мелких волнах «Дельфин» – темная торпеда с короткими, скошенными назад крыльями. На каждом из них было установлено по гребному винту. В конце обтекаемого сигарообразного корпуса из воды выступал руль, напоминающий мотоциклетный. «Дельфин», изначально предназначенный для поражения надводных кораблей противника смертниками-камикадзе, был переоборудован для высадки диверсанта. В носовой части, освобожденной от боевого заряда, помещался рюкзак с радиостанцией, одеждой и револьвером «смит-вессон».

– Главное не забыл? – спросил капитан.

– Это при мне, – лейтенант разведки Императорской армии Онода Ватанабэ похлопал по топорищившейся на груди черной прорезиненной ткани.

– Там, на берегу, придется трудновато. Удачи тебе!

– Не волнуйся, все будет в порядке, – разведчик пожал подводнику руку. – Пора.

Он застегнул резиновый шлем под подбородком, надвинул на глаза очки и соскользнул в воду. Вынырнув из темной глубины, ухватился двумя руками за руль, оттолкнулся ногой от субмарины. Зафыркал двигатель. «Дельфин» медленно отошел от борта подводного корабля, под его крыльями вскипели буруны, и он понесся вперед, рассекая темные, мерцающие в лунном свете волны.

Как только торпеда, унесшая лейтенанта к американскому берегу, растворилась в темноте, капитан спустился внутрь лодки, приказал задрать люк и приготовиться к погружению.

Ночное десантирование – дело рискованное, и операция «Сакура» могла закончиться провалом уже на начальном этапе: мчавшаяся на полном ходу торпеда едва не врезалась в риф, неожиданно выросший из воды. Онода Ватанабэ, чудом избежав столкновения, отругал себя за неоправданный риск и сбавил скорость, пенные буруны под крыльями исчезли. У самого берега японец выключил гребные винты, и «Дельфин», по инерции продолжая движение, медленно вполз на мокрый песок.

Осмотревшись, лейтенант извлек из носового отсека рюкзак, отнес его от линии прибоя, затем столкнул торпеду обратно в море и, двигаясь по пояс в воде, развернул носом в открытый океан. Под крыльями вновь ожили винты, и «Дельфин» стал неспешно удаляться от берега. Топлива в баке оставалось еще на полчаса хода, после чего торпеда должна была затонуть на глубине.

В кустарнике, темневшем на краю пляжа, японский лазутчик переоделся. Теперь оставалось избавиться от гидрокостюма: лейтенант отстегнул от рюкзака саперную лопатку и с размаху вогнал ее в песчаный грунт.

Для лейтенанта Императорской армии Онода Ватанабэ Америка не была какой-то неведомой страной. Он родился в штате Аризона в семье проживавшего в США японского бизнесмена. Летом 1941 окончил колледж, в конце ноября вместе с родителями вернулся в Токио, а через десять дней после возвращения семьи на родину сотни самолетов, взлетов с палуб японских авианосцев, нанесли сокрушительный удар по американским кораблям в бухте Перл-Харбор, и началась жестокая схватка двух титанов за господство на Тихом океане.

Успех внезапной атаки на Перл-Харбор, в результате которой Тихоокеанский флот США за два часа потерял основу своей боевой мощи, во многом обеспечили точные донесения японской разведки.

В Вашингтоне сделали соответствующие выводы: все японцы, остававшиеся на американской территории, были выселены в закрытые резервации, и шпионская сеть Страны восходящего солнца, развёрнутая в Штатах, с началом боевых действий перестала функционировать.

В этой ситуации Онода Ватанабэ, владеющий английским, как родным, знающий американские реалии, оказался находкой для японской разведки. Он был призван в армию, прошел обучение в разведывательно-диверсионной школе Накано, получил звание лейтенанта.

Маршрут выпускника разведшколы в страну назначения был сложным. Вначале на истребителе его переправили на Окинаву, откуда допотопный пароходик с одной коптящей трубой и двумя невысокими мачтами доставил Оноду на затерянный в просторах Тихого океана остров Ликпо, на котором небольшая группа японских специалистов работала над выведением нового вида биологического оружия.

Старая развалина приблизилась к цели путешествия, когда солнце закатилось за океан. С палубы Онода увидел только тёмные скалы и тусклые огни в тёмной пасти громадного грота, куда два катера поспешно перевозили ящики, бочки с горючим и мешки с рисом. Пароход разгрузился и отошёл от острова до рассвета, но молодой офицер уже не слышал прощального грохота якорных цепей и надрывного пыхтения изношенных машин, его сопроводили в дом под кроной гигантского баньяна, где проживал и работал начальник секретного объекта.

В комнате, освещённой электрическим светом, Оноду встретил коренастый мужчина лет пятидесяти в круглых очках, усатый, с короткой бородкой. Его густые, давно нестриженные волосы были небрежно разделены на косой пробор, высокая щетина на щеках говорила о том, что бритва не касалась их, по крайней мере, неделю. Из-за спины небритого из деревянной рамки на стене, выглядывало странное существо с выпуклыми, величиной с блюдце коричневыми глазами.

Мужчина в очках представился:

– Начальник научной лаборатории 733 Сиро Машимото, а это результат наших многолетних усилий.

Хозяин кабинета отступил в сторону, и лейтенант увидел помещавшуюся в деревянной рамке фотографию мухи, увеличенную до гигантских размеров. Молодого офицера поразили хищные волосатые лапы насекомого и редкие, острые, как пики, чёрные волоски на спине. На прозрачных крыльях чернели три креста. Исполненные в традиционной японской каллиграфической манере иероглифы называли имя героини изображения – «Тэнгу».

«Тэнгу» – «Небесная собака» – летающий злой маг, который вызывает пожары и подстрекает к войнам, знал Онода из сказок. Фотография в рамке совсем не походила на знакомые молодому человеку с детства рисунки небесной собаки, но что-то злобное и свирепое в облике обоих роднило эти два существа.

– Впечатляет? – с нескрываемой гордостью спросил Сиро Машимото. – Это портрет нашего научного свершения, увеличенный раз в двести.

Офицер неприязненно поёжился.

– Ты думаешь, наверное, какая наука, когда страна воюет?! А наука на войне – первостепенное дело. Чтобы вывести из строя всего лишь роту противника, нужно произвести тысячи выстрелов, сбросить на вражеские окопы сотни килограммов взрывчатки. А наука, – Сиро поднял вверх указательный палец, – наука может уничтожить миллионы без единого выстрела.

Начальник лаборатории повернулся к сейфу. Звякнули ключи, тяжёлая бронированная дверца открылась. В руках у Сиро Машимото оказалась латунная коробочка размером с сигаретную пачку. В её правом верхнем углу стояла цифра «12», в середине была выгравирована муха, слева чернела вертикальная надпись «Дзагараси-яку» – «Яд, убивающий на месте».

– Вручаю тебе этот контейнер. В нём двенадцать тэнгу – сила страшная. Если она сработает в нужном месте и в нужный момент, Америке будет нанесён урон, почище, чем на Пёрл-Харборе.

Мурашки побежали по коже лейтенанта. Он поклонился и двумя руками принял коробочку.

«Вот оно, настоящее задание! Он, Онода Ватанабэ, поможет Родине в момент, когда она нуждается в нём!»

Помимо латунного контейнера начальник лаборатории вручил разведчику короткоствольный револьвер Смит-вессон, портативную радиостанцию и документы на имя Ли Хоа – американского гражданина китайского происхождения.

– Твоя задача, – Сиро Машимото заходил по кабинету, – заложить контейнер в окрестностях Вашингтона, поблизости от какой-либо мусорной свалки, а самому осесть в пригороде, неподалеку. В радиостанцию встроены блок дистанционного управления. При получении команды «Сакура» достаточно нажать красную кнопку на боковой панели и мухи получают свободу. И помни, что бы с тобой ни случилось, эта коробочка ни в коем случае не должна попасть во вражеские руки!

Онода закопал гидрокостюм, проверил, насколько удобно пристроен револьвер в кобуре под мышкой, вышел на дорогу и решительными шагами направился в сторону поселка.

К рассвету он оказался на маленькой пустынной улочке, пропитанной йодистыми запахами морских водорослей и вяленой рыбы. Отсюда открывался вид на необъятное водное пространство, раскинувшееся до самого горизонта.

Лейтенант остановился у кирпичного строения с широкими гаражными воротами. Под фронтоном висела изъеденная солеными океанскими ветрами вывеска: «Джеф Эртон. Продажа и ремонт автомобилей».

Хозяин гаража, разбуженный настойчивым стуком, зевая, спустился со второго этажа и позволил раннему клиенту войти.

– Я хочу купить машину, – сказал японец, обшаривая глазами закопченное помещение с темной конторкой в правом углу.

На цементном полу, испятнанном машинным маслом, стояли три легковых автомобиля. У первого были распахнуты дверцы, у второго – открыт капот, третий со снятыми колесами, как подстреленная птица, лежал на брюхе.

– Могу предложить этот фаэтон, – хозяин показал на автомобиль с открытым капотом.

Это был темно-зеленый «линкольн» с выгоревшим брезентовым тентом.

– Осталось поменять глушитель, подкрасить, и через пару дней, если сойдемся в цене, ласточка ваша.

– Сколько? – спросил клиент, разглядывая поржавевшие стальные спицы в колесах «ласточки».

– Четыреста.

– Не подведет? – покупатель облизал сухие губы.

– Что вы?! Машинка надежная. На внешний вид не смотрите. Подмажу, подкрасю и вокруг света можно ехать!

– Мне вокруг света не надо, – лейтенант Ватанабэ замолчал, размышляя о том, выдержит ли это старье три тысячи километров, которые ему предстояло преодолеть, чтобы перебраться с западного побережья на восточное. Но другой вариант в этой глуши отыскать непросто, а следовало, как можно скорее, уходить от места высадки.

«На первое время её хватит, а если что случится по дороге, куплю другую», – решил он. Хозяин мастерской по-своему истолковал молчание покупателя.

– Ну, ладно, так и быть. Только для вас, в убыток себе. Триста восемьдесят. Меньше никак нельзя. Пятьдесят баксов задаток, и заходите послезавтра, будет, как новенькая.

– Послезавтра не получится. Я беру сейчас.

– Но ведь... – Джеф Эртон запнулся, он хотел сказать, что ему нужно время, чтобы довести машину до кондиции, но не стал. В конце концов, китаец сам должен думать, как он поедет, а триста восемьдесят – очень даже неплохие деньги за такую рухлядь.

В то время, когда Онода Ватанабэ устраивался в кабине «линкольна», катер американской береговой охраны обнаружил в километре от берега крылатую торпеду. Морским течением её снесло на отмель, где она застряла и, выработав топливо, осталась на мокром песке. Во время вчерашнего утреннего дозора отмель была пуста.

Катер приблизился к песчаному лоскутку, командир выслал шлюпку, и через некоторое время на палубе уже лежало похожее на небольшой самолет темно-серое тело торпеды. О находке капитан доложил на берег.

Поисковые группы приступили к прочесыванию побережья и во второй половине дня в районе пляжа Грэйстоун нашли закопанный в песке гидрокостюм японского производства.

Лейтенант свернул с трассы, когда стало смеркаться, укрыл автомобиль в лощинке, утыканной редкими деревьями, перекусил закупленными в рыбацком поселке продуктами и заснул на переднем сиденье.

Проснулся разведчик, когда в лощине еще лежал белесый туман. Он натянул между двумя деревьями тонкую проволоку антенны и отправил сообщение: «Солнце светит. Паруса поставил». Эти две, адресованные Сиро Машимото условные фразы, означали: «Высадка прошла нормально. Приступил к реализации намеченного плана». Закончив сеанс, лейтенант свернул рацию, завел автомобиль и выехал на трассу.

Служба радиоперехвата береговой охраны засекала работу неизвестной радиостанции. Высланная на задержание радиста группа не нашла в запеленгованной точке ничего, кроме следов протектора легкового автомобиля, отпечатков ботинок тридцать восьмого размера и смятой банки из-под рыбных консервов.

Контрразведчики пришли к выводу, что в ночь с шестнадцатого на семнадцатое марта на побережье высадился оснащенный радиостанцией японский лазутчик, который на автомобиле движется в юго-восточном направлении.

При опросе жителей рыбацкого поселка агенты вышли на владельца авторемонтной мастерской Джефа Эртона, и по вероятным направлениям движения японца ушли телеграммы с требованием задержать темно-зеленый «линкольн». В ориентировках давался номерной знак машины и приметы диверсанта.

На дорогах, ведущих на юг и восток от точки, с которой японец вышел в эфир, были выставлены посты. На маршруты выехали патрульные автомашины.

Первые шестьсот километров «линкольн» преодолел без проблем, но, миновав по узкому объездному шоссе городок Гринхилс, зафыркал, задержался и выпустил за собой облако черного дыма. Раздался стук, скрежет железа об асфальт. У машины отвалился глушитель. Пришлось остановиться.

Пороссячий визг, доносившийся из длинных низких строений, и густой аромат свиного навоза, исходивший от серых курганов за деревянной оградой, говорили о том, что поломка

случилась вблизи свинофермы, принадлежащей, как гласила табличка на воротах, некоему Тому Бутману.

Метрах в пятидесяти от владения Бутмана стоял, раскинув ветви, могучий дуб.

Онода Ватанабэ еще не решил, что ему делать дальше, как вдруг из-за холма вынесся военный джип с брезентовым верхом и резко затормозил рядом с «линкольном». Распахнулась дверца, из машины выскочил человек в камуфляжной форме и наставил на разведчика ствол винтовки:

– Военная полиция! Выйти из машины! Ваши документы!

Водитель тем временем развернул джип поперек дороги, лишив японца возможности ехать дальше. Онода Ватанабэ не зря провел два года в диверсионной школе и сразу понял, что это не рутинная проверка документов, а попытка задержания.

Уверенные в своем превосходстве патрульные не ожидали сопротивления от маленького, тщедушного азиата. Но в Накано с разведчиком отработали десятки вариантов выхода из подобных ситуаций. Главное в его положении – отвлечь внимание противника и на мгновение опередить.

Японец вылез из кабины и, притворившись, что ищет бумажник, сунул руку под куртку.

– Документы... документы... – нарочито растерянно начал он, нащупывая в кобуре под мышкой ребристую рукоятку револьвера. – Да, они в машине...

Онода Ватанабэ повернулся, сделав вид, будто пытается открыть дверцу «линкольна», выхватил «смит-вессон» и выстрелил в грудь военному, наставившему на него винтовку. Патрульный осел на землю, не успев осознать, что произошло. Вторая пуля срезала выскочившего из кабины водителя. Действуя, как на тренировочных занятиях, Онода Ватанабэ двумя контрольными выстрелами добил обоих.

Лейтенант понимал, что американская контрразведка не простит ему расстрел наряда. На поиски бросят все, что можно, и уйти от преследователей будет трудно. Онода был готов пожертвовать жизнью, но не имел права рисковать контейнером. Он подбежал к одиноко стоящему на пустыре дубу. Отмерил от дерева десять шагов в сторону фермы, саперной лопаткой вырезал во влажной почве кусок дерна, положил в образовавшуюся ямку контейнер.

Земляной квадрат, густо переплетенный травяными корнями, был возвращён на место и притоптан. Теперь тайник выдавала только примятая прошлогодняя трава, которая, как знал разведчик, распрямится после первого же дождя.

Мотор патрульной машины продолжал работать, ее капот слегка вздрагивал, из выхлопной трубы выбивался синеватый дымок. Японец перенес в армейский джип рацию из ставшего бесполезным «линкольна», уселся за руль и нажал на педаль газа.

Минут десять он мчался по пустой, извиляющейся между холмами дороге и, вынырнув из-за очередного поворота, увидел впереди на обочине грузовик и нескольких солдат. Один из них подал знак остановиться. Онода сделал вид, что подчиняется команде, замедлил ход, но, перед самым грузовиком, рванулся вперед. Военный едва успел отскочить в сторону. Треснул выстрел, в ответ на который разведчик только стиснул зубы и прибавил скорость.

Винтовки затрещали вразнобой. Японец, побледнев, пригнул голову к рулю. В кабине раздался щелчок, на ветровом стекле образовалось отверстие с паутиной трещин по окружности. Стрельба продолжалась, но Оноду спасло то, что дорога петляла, и стрелки не могли поймать в прорези прицелов быстро удаляющийся от них маленький военный джип.

Грузовик развернулся и ринулся в погоню, но скорость автомобиля, которым управлял японец, была выше. Преследователи стали отставать. На длинном крутом подъеме они совсем исчезли из виду, и у лейтенанта появилась надежда, что ему удастся уйти.

Однако когда дорога взобралась на перевал и с высоты открылась долина с пологими склонами, Онода заметил далеко внизу другой военный грузовик, застывший посередине

узкого шоссе. Косые лучи показавшегося из-за туч солнца блеснули на касках и винтовочных стволах суетившихся около машины солдат.

Джип свернул с шоссе, с натужным воем переполз через кювет и, переваливаясь на рытвинах, двинулся к видневшемуся метрах в двухстах полуразрушенному дому, но на половине пути уткнулся носом в глубокую колдобину и заглох. Спотыкаясь о кучи муравейников и проваливаясь в ямы, Онода побежал через заросший высоким бурьяном пустырь, но подвернул ногу. Превозмогая острую боль, он с трудом дотащился до развалин, повалился на мокрую землю и достал револьвер.

Всё окончилось очень быстро. Подъехали еще два грузовика, набитых военными. Дом окружили. Кольцо стало медленно сжиматься. Взглянув последний раз в проем окна и увидев в двадцати шагах от себя солдат с винтовками наизготовку, лейтенант Ватанабэ понял, что выбора у него не осталось. Он приставил холодный ствол к виску и нажал на спусковой крючок.

Гибель японского разведчика означала провал операции «Сакура». Для американских специалистов, обследовавших радиостанцию японского диверсанта, осталось загадкой предназначение блока, способного выдавать импульс только на одной частоте. О контейнере, заложенном Онодой неподалеку от свинофермы, американская контрразведка не знала. Латунную коробочку не искали.

Спустя несколько десятилетий беспокойное хозяйство Тома Бутмана унаследовал его внук Дин. Планируя расширение производства, энергичный продолжатель семейного бизнеса приобрел территорию вокруг старого дуба. Гринхилс дорого заплатил за смерть Оноды Ватанабэ: через семь с лишним десятков лет спрятанный японцем контейнер был раздавлен тяжелым ножом бульдозера, управляемого нелегальным мексиканским рабочим Раулем Вирджилио, и бедствие, предназначенное Вашингтону, обрушилось на этот маленький городок.

Но обо всем по порядку.

2. Адмирал Кондраки

Багряный диск горячего тропического солнца, выплывший из безбрежных просторов Тихого океана, рассеял утренний туман над гаванью, золотистые блики заиграли на мачтах и орудийных башнях стоящих на рейде кораблей. С ревом взлетели два истребителя и, развернувшись над морем, взяли курс на северо-запад к китайским берегам. В казармах прозвучал сигнал «Подъем», и бетонные дорожки военного городка загудели от топота ботинок морских пехотинцев. В небольших одноэтажных офицерских домиках захлопали двери. На главной базе Восточноазиатской группировки США на острове Руам начинался обычный день.

Шумы утреннего пробуждения гарнизона почти не долетали до виллы командующего группировкой, отделенной от аэродрома и порта цепью высоких холмов. Завернувшись в темно-синее махровое полотенце, адмирал Кондраки в пляжных тапочках прошлепал по холлу. Стеклопакетные двери с тихим шелестом раздвинулись, в помещение ворвался пряный аромат тропического сада.

Стивен Кондраки сбросил полотенце на шезлонг и хотел уже прыгать в бассейн, как вдруг услышал где-то над собой возню и сладострастное постанывание. Казалось, что какие-то личности, обманув охрану, проникли в адмиральский сад и занялись любовью, пристроившись почему-то на верхушке пальмы. Стивен поднял голову и увидел двух больших белых попугаев с хохолками на головах. Птицы, прикрыв глаза в эротической истоме, с увлечением целовались, сцепившись черными кривыми клювами. Заметив хозяина виллы, любовники расцепились, потоптались на ветке и разорались такими противными скрипучими голосами, что у адмирала резануло в ушах.

– Заткнитесь! – крикнул Кондраки.

На наглецов это никак не подействовало. Чихать они хотели на чины и звания, на всю Восточноазиатскую группировку с ее авианосцами, ракетными крейсерами, атомными подводными лодками, морской пехотой и Стивом Кондраки, вообразившим себя пупом земли.

Да что им, глупым пернатым, какой-то командующий. Их предки жили на острове Руам задолго до того, как люди создали здесь базу. Военные рано или поздно уйдут, а попугаи останутся. Так, наверное, думали птицы и, не обращая внимания на недовольство адмирала, в зоне ответственности которого от Аляски до Африки проживает более половины земного населения, опять перешли к поцелуям.

Чтобы, не видеть этой вызывающей наглости, Кондраки опустил голову, надвинул на глаза очки для плавания и нырнул. Кристально чистая водная гладь вскипела белыми пузырями, волны выплеснулись через бортик. Попугаи, захлопав крыльями, снялись с ветки и улетели.

Две рассорившиеся белки выскочили из густой листвы старого мангового дерева и стали носиться друг за другом, перескакивая с одной ветки на другую.

Серый адмиральский кот Бэзил с серебряной медалью на кожаном ошейнике, вышел из-за угла виллы и, усевшись под кокосовой пальмой, стал сосредоточенно вылизывать лапу. Делая вид, что занят исключительно проблемами кошачьей гигиены, Бэзил тем не менее внимательно следил за белками. Бывали случаи, когда в запале ссоры, какой-нибудь из хвостатых зверьков, не рассчитав прыжок, падал с высоты на бетонную дорожку, вьющуюся среди сочного травяного газона, и, не успев прийти в себя, оказывался в кошачьих когтях. Бельчатину Бэзил обожал. Но в это утро ему не подфартило.

«Еще чуть-чуть баттерфляем, – думал про себя адмирал, мощно выбрасывая обе руки из-за головы и врезаясь ладонями в прохладную воду, – потом еще пятьсот метров кролем и можно выходить».

Ежедневный утренний заплыв был правилом, которому Стивен Кондраки неукоснительно следовал уже много лет. Однако на этот раз ему не удалось выполнить обычную норму. Подняв на очередном гребке голову, Стивен, сквозь запотевшие стекла очков, заметил на бортике два темных пятна. Он подплыл к лестнице и, зацепившись рукой за перила, сдвинул очки на лоб: темные пятна оказались до блеска надраенными штиблетами его помощника майора Энрике Гонсалеса. Тот, вытянувшись в струнку, стоял на краю бассейна и что-то докладывал, но до адмиральских ушей, заткнутых силиконовыми затычками, долетали только неразборчивые звуки.

– Что вы там лопочете?! – раздраженно закричал Кондраки, освобождая слуховые проходы от упругого силикона.

– Вам звонил сенатор Ферри, сэр. Сказал, что перезвонит через полчаса. Просил быть у аппарата.

Сообщение помощника заставило Кондраки прервать утренний моцион. Он быстро вылез из воды и, оставляя за собой мокрые следы, прошел на виллу. После душа, на ходу застегивая пуговицы белой форменной рубашки, он вошел в кабину лифта. Двери бесшумно затворились, и лифт, мягко тронувшись, стал набирать ход, опуская адмирала все ниже и ниже.

Под двухэтажной виллой на глубине ста семидесяти метров размещался рабочий кабинет, из которого командующий мог управлять подчиненными ему кораблями и самолетами даже в случае ядерного удара по острову. В помещении все было сделано так, чтобы адмирал не ощущал себя в подземелье. На фальшивых окнах слегка шевелились занавески с океанскими пейзажами, оттенки цветов на которых менялись в зависимости от времени суток на поверхности.

В ожидании звонка Кондраки открыл папку новостей, подобранных для него помощником. Его внимание привлекли сообщения с Филиппин о начале эвакуации населения из-за угрозы извержения вулкана Майон.

С одной стороны, активизация вулкана была хорошим предлогом для захода в филиппинские территориальные воды ударной группировки во главе с авианосцем «Джордж Вашингтон». Стальная армада уже находилась неподалеку от района бедствия и в считанные часы могла приблизиться к филиппинским берегам. С другой стороны, закипевший кратер Майона сигнализировал об оживлении цепи действующих вулканов и на океанском дне. Глубинные волны, сопровождающие подводные извержения, представляли определенную опасность для субмарин, несущих боевое дежурство на предельных глубинах.

Адмирал нажал нужную клавишу на панели внутренней связи.

– Майор Гонсалес слушает!

– У нас в Филиппинском и Южно-Китайском морях находятся, насколько я помню, четыре подводные лодки.

– Так точно, четыре, сэр.

– Передайте мое распоряжение всем четырем подняться к поверхности и до особого распоряжения действовать на глубине не свыше пятидесяти метров. И еще, соедините меня с Биллом.

Бывший военный атташе при посольстве США на Филиппинах Билл Вольф являлся одним из наиболее доверенных людей Кондраки. После увольнения с военной службы он был пристроен адмиралом на должность руководителя отделения компании «Мэритим сервис» в филиппинском порту Субик. Формально отвечая за обслуживание прибывающих в порт американских кораблей, Билл привлекался командующим к выполнению самых «деликатных» поручений.

– Как дела с пятой «морской свинкой»? – поинтересовался адмирал, услышав в трубке голос бывшего военного атташе.

– Кандидатура подобрана из числа тех, кто эвакуировался из-за угрозы извержения Майона. Беженцев десятки тысяч. Одни расселяются поблизости, другие уезжают к родственникам в соседние провинции, некоторые пытаются пристроиться в Маниле. Полная неразбериха с учетами. Следов не останется, – заверил Вольф.

– Я направлю к берегам Филиппин авианосец «Джордж Вашингтон», три эсминца и ракетный крейсер. Палубные вертолеты перебросят населению пострадавших районов кое-какую мелочь.

– Это цель похода? – удивился собеседник адмирала.

– Нет, конечно. Всего лишь повод. У меня такое впечатление, что президента Филиппин стало заносить. Эмилия Лоренсо то заигрывает с китайцами, то поглядывает в сторону русских.

– Есть такое, – согласился Билл.

– Так вот, мадам нужно указать ее место. Пусть «Джордж Вашингтон» немного поболтается у филиппинских берегов. Отметившись в зоне гуманитарной катастрофы, корабли двинутся к тебе в Субик. Позаботься, чтобы заход в порт обошелся без инцидентов.

– Все будет нормально, – пообещал Билл.

На белой панели аппарата закрытой космической связи замигал красный огонек, адмирал, свернув разговор с Вольфом, взял другую трубку.

– Приношу извинения, Стив, что звоню так рано, – донесся до адмирала осипший голос сенатора Майкла Ферри.

– Что с тобой? Не болеешь? – озабоченно спросил Кондраки.

Майкл прочистил горло, откашлялся.

– Сорвал глотку на митингах. Ну, это пустяки, через пару дней пройдет. Я могу быть откровенен, нас не подслушают?

– Можешь говорить свободно, – заверил командующий. – Эту линию используем только ты и я. Другие доступа к ней не имеют.

Один из богатейших людей США, председатель американской ассоциации производителей вооружений Майкл Ферри по кличке Питон, вел борьбу за президентское кресло с действующим президентом Ларри Гровером, добивавшимся переизбрания на второй срок.

– Я почему тебе звоню, Стив. Обстоятельства складываются не совсем так, как хотелось бы. Кампания разворачивается не в мою пользу, Ларри стал набирать обороты.

– Но по опросам ты его опережаешь.

– Не будь наивным, Стив. Эти опросы можно заткнуть в одно место тем, кто их делает. Кто платит, тот и заказывает музыку. За мои деньги они дают то, что я хотел бы видеть. На самом деле, все далеко не так радужно. Может быть, еще удастся как-то развернуть тенденцию в обратную сторону, но, надеясь на лучшее, надо готовиться к худшему. Мне шестьдесят семь лет, Стив, и я не могу ждать еще четыре года. Независимо от исхода голосования, надо стряхнуть с президентского кресла этого идиота, вообразившего себя кем-то вроде Цезаря или Сталина. Ларри, сукин сын, так и не понял, что ему позволили взойти на подиум, чтобы пожимать руки, шаркать по паркету и кланяться, а не принимать решения. Он власть представительская, а люди, сидящие на деньгах, власть реальная. Политику Америки диктуем мы – элита военно-промышленного комплекса. Дело президентов озвучивать то, что им продиктовали. Жаль, что участь Джона Кеннеди не стала уроком для Ларри Гровера. Ему же хуже. Если проиграю, сошлюсь на вот эти самые опросы и не признаю поражения. Выборы объявлю фальсифицированными. Ларри будет сопротивляться. Придется устроить ему маленькую бяку. Пусть «небесная собака» его немножко покусает. Как дела у Роджера в этой... как его... «Лаборатории-733»?

– Змеелов вакцину сделал. Готовим испытания. Билл заканчивает вербовку очередной партии «морских свинок». С четырьмя контракты уже подписаны, пятая подопытная подобрана. В ближайшее время всю пятерку отправим Аптекарю.

– Иногда препараты действуют избирательно: для черных один результат, для азиатов другой, для белых третий. Япошки, кстати, в свое время испытывали яды, как на азиатах, так и на европейцах. Для уверенности, хорошо бы в последнюю партию включить человека белой расы, желателен американец.

Командующий задумался, в разговоре возникла пауза.

– Ну, это другая песня, – наконец выдал из себя Кондраки, – с американцем вопрос сложнее.

– Ну что за проблема? За шестую «морскую свинку» я заплачу, сколько надо. Решай.

– Понял. Прикажу Биллу подобрать для эксперимента белого американского парня.

– Действуй. Пора заканчивать игру в демократию. Объединим реальную власть с представительской. Я стану первым американским лидером, сосредоточившим в своих руках все полномочия. Мир построим так, как нам нравится, чтобы уже через пару лет мы с тобой принимали президентов, восседая на золотых унитазах, а они ползали бы перед нами на коленях. Китаец делал бы педикюр, русский маникюр, а француз ножничками с бриллиантами подстригал волосы в ушах и спрашивал: «Вам не щекотно, сэр?».

– Ну, золотые унитаза – это уж слишком. Потом француз наверняка будет раздражать своим дурным произношением, – рассмеялся Кондраки.

– Ничего, посидит пару недель в темной комнате в наушниках, послушает настоящую американскую речь и научится. Тем более что ему надо будет произносить только одну фразу. Остальное мы за него скажем сами, – трубка изрыгнула на адмирала звуки самодовольного хохота. Насмеявшись, Майкл спросил:

– Как там на Руаме, не жарко?

По вопросу о погоде Кондраки понял, что собеседник намерен сворачивать разговор.

– Ничего. Тридцать два не более.

– Ну, не перегревайся, помни, что у меня на тебя большие виды. Как только сяду в президентское кресло, первым своим указом вышвырну к чёрту из Пентагона этого любимца нынешнего президента Артура Маккензи и назначу министром обороны тебя. Я буду диктатором, а ты моим официальным преемником. Не кашляй. Пока.

3. Сенин нащупал канал

В Москве было четыре часа утра. Александру Ивановичу снилась родная деревня Бережки, деревянные избы, серые гуси на зеленом откосе, «журавль» напротив дома Сидоровых, скользкая после дождя дорожка и он, девятилетний мальчик, опаздывающий в библиотеку. Анна Петровна согласилась выдать книгу «Счастливым день суворовца Криничного», но не более чем на три дня.

Книжку уже прочитал Федька Сидоров, но он на два года старше и учится в пятом классе. Федя у библиотекарки самый уважаемый читатель. Анна Петровна выдает ему даже очень взрослые книги, к Саше она тоже относится хорошо, но считает его еще маленьким. Сколько раз третьеклассник Строев просил у нее «Криничного» и получал отказ.

«Вот перейдешь, хотя бы в четвертый класс, тогда поговорим, а пока рановато», – строго говорила Анна Петровна.

И вот она согласилась, и на тебе, он может не успеть до закрытия библиотеки! От гусяного стада, щиплющего зеленую травку на косогоре, отделяется злой гусак, он открывает желтый клюв, вытягивает шею к самой земле, пытается ущипнуть третьеклассника за ногу. Страшная большая птица хлопает крыльями, и из горла у нее вместо шипения вырывается мелодия песни «На дальней станции сойду...».

Когда гусак пропел про дальнюю станцию второй раз и на постели беспокойно заворочалась Антонина Сергеевна, Строев открыл глаза и понял, что нет никакой скользкой тропинки и никакого гусяного стада. Сквозь щель в плотной коричневой шторке пробивается свет московских уличных фонарей, он лежит рядом со своей законной супругой на широкой двуспальной кровати, а известную мелодию издает совсем не вожак гусяной стаи, а его генерала Строева мобильный телефон.

Схватив с тумбочки засиявший синим светом аппарат, Александр Иванович нажал зеленую кнопку и на цыпочках, чтобы не разбудить жену, вышел на кухню.

– Ты что с ума сошел?! – раздраженно ответил он на влетевшее ему в ухо приветствие капитана Сенина. – Это же Москва, а не Хабаровск. Посмотри, сколько времени!

– Не могу ждать, товарищ, генерал, – захлебнулась от нетерпения трубка. – Нашупали, нашупали личный канал «Коменданта»! Все чистенько проходит, как будто рядом с ним сидишь! Не совсем то, что вы хотели, но мне показалось очень интересным.

С капитаном Сениным Александр Иванович познакомился месяц назад во время командировки на Дальний Восток. Этот маленький, рыжеволосый офицер чрезвычайно энергично выкатился навстречу Строеву и сопровождающим его представителям командования округа и, бросив руку к козырьку, бойко доложил, что на вверенной ему, капитану Сенину, станции перехвата космических каналов связи происшествий не случилось.

– А жаль, – шутливо заметил на это генерал Строев, – лучше, если бы к нашему прибытию станция добыла что-нибудь интересенькое, и вы бы, капитан, нам об этом доложили.

– Будет сделано, товарищ, генерал, непременно добудем и доложим, – пообещал офицер.

Показывая свой запрятанный в тайге подземный объект, Сенин, возбужденно рассказывал о его возможностях. Маленькая фигурка капитана мелькала впереди, он быстро передвигался от одного специального помещения к другому, представлял военнослужащих, сидящих в наушниках у компьютеров, энергично жестикулировал.

– Техника у вас, капитан, великолепная, – подвел итог увиденному Строев. – С ней можно решать большие задачи. Меня конкретно интересуют телефонные контакты командующего американской Восточноазиатской военной группировкой адмирала Кондраки, назовем его «Комендантом», с руководством Пентагона. Сможете?

– Постараемся, товарищ генерал.

– Если нащупаете, то немедленно мне доложите, – при этих словах Александр Иванович передал капитану Сенину свою визитную карточку с проставленными на ней телефонными номерами.

Теперь из утреннего звонка следовало, что Сенину удалось выйти на линию, связывающую Кондраки с Вашингтоном.

Генерал Строев окончательно проснулся и простил подчиненному его излишнее рвение. Разница во времени между Спасском, из которого звонил Сенин, и Москвой составляет семь часов. Можно было подождать и сообщить в начале рабочего дня, но не таков Сенин. Темперамент не позволял ему носить важную новость в себе.

– Хорошо, капитан. Отправьте мне полученные материалы, – сказал Александр Иванович, включил чайник и стал собираться на работу.

4. Белый американец

Бывший сержант американской армии, а ныне начинающий бизнесмен Дэн Ливингстон, сидел за стойкой бара в маленьком филиппинском аэропорту Катиклан и в ожидании вылета посасывал виски с кока-колой.

Слепящая ломаная линия разрезала низко нависшие над землей тяжелые темно-фиолетовые тучи. От громовых раскатов содрогнулось хрупкое строение. Дэн мысленно поблагодарил хозяина отеля, который сегодня рано утром разбудил его и, показав на сгущающиеся в небе облака, посоветовал как можно раньше переправиться на моторной лодке на соседний остров, где находился аэродром.

Ливингстон почти две недели провел на Боракае. Эту жемчужину Филиппин – крохотный островок, с небольшими уютными отелями вдоль великолепных белых пляжей, с поющим под ногами песком, отделял от аэродрома всего лишь узкий пролив, но попробуй переправиться через него в шторм!

Покинув Боракай утром, Дэн Ливингстон намеревался вечером быть в Хошимине и в мастерской мадам Бинь заказать вышитые шелком пейзажи и натюрморты. Картины эти неплохо шли в Сан-Франциско, где Ливингстон открыл небольшую лавочку художественных изделий. Вышивки, стоившие в Хошимине долларов по тридцать, поместив в хорошие рамки, можно было в Сан-Франциско продать по пятьсот. Прямого рейса из Катиклана на Хошимин не было. Дэну предстояло сделать пересадку в филиппинском аэропорту Кларк.

Тучи опустились еще ниже, стало быстро темнеть, и в здании включили освещение. По тонкой крыше забарабанили редкие крупные капли дождя. Где-то внутри густого, клубящегося мрака, накрывшего аэропорт, рвануло так, что вздрогнул бетонный пол. Хрупкие стены вокзала пошатнулись, и, казалось, только чудо удержало их от падения. Ливень хлынул как из ведра. Водяные потоки, то сужаясь, то широко разливаясь, побежали по стеклам. Густая пелена дождя скрыла летное поле и сиротливо стоящие на нем маленькие, словно игрушечные самолеты.

«Как бы из-за грозы не опоздать на стыковку», – забеспокоился американец, и, будто в ответ на эти мысли, репродуктор объявил, что в связи с метеорологическими условиями аэропорт Катиклан закрыт для приема и вылета самолетов.

От имени администрации диктор принес извинения и заверил, что полеты немедленно возобновятся, как только улучшится погода. Люди, набившиеся в зале, вооружились мобильниками и принялись звонить родственникам и знакомым. Дэну сообщать о своей задержке было некому. Его родители давно умерли. Жена ушла к другому, когда сержант Ливингстон воевал в Ираке. В Америке его звонков никто не ждал, а знакомых на Филиппинах он завести не успел. Чертыхнувшись, Дэн заказал себе вторую порцию спиртного.

Тайфун, так раздосадовавший Ливингстона, прибавил настроения начальнику полиции города Анджелеса капитану Баяни де Кастро. Дело в том, что после разговора с адмиралом Кондраки именно его, местного полицейского патрона, Билл Вольф попросил задержать белого американца.

Атмосфера для подобных дел в Анджелесе – этой некоронованной столице филиппинской проституции самая, что ни на есть подходящая. Анджелес находится рядом с аэродромом Кларк – бывшей базой стратегического авиационного командования США. В свое время с бетонных полос Кларка взлетали американские самолеты бомбить Вьетнам, Лаос и Камбоджу, сейчас аэродром использовался филиппинскими гражданскими авиакомпаниями для полетов как внутри страны, так и по региону.

Полицейский мало задумывался над тем, зачем Биллу Вольфу потребовался арест американского гражданина. Это капитана де Кастро не касалось. Его задача – создать ситуацию, арестовать жертву и получить неплохие по филиппинским масштабам денежки!

Из поступившей метеосводки начальник полиции знал, что тайфун обрушился на острова центральной части Филиппинского архипелага. Это означало, что самолеты оттуда вовремя не взлетят и транзитные путешественники опоздают на стыковочные рейсы.

Баяни де Кастро приказал офицеру, дежурившему в аэропорту, переслать ему список транзитных пассажиров, прилетающих в Кларк с Катиклана. Оказалось, что на сегодняшний рейс в Хошимин не успеют два китайца, один француз, австралийская супружеская пара и американский гражданин Дэн Ливингстон.

На запрос из Кларка полицейское отделение на Боракае сообщило, что Дэну Ливингстону тридцать два года, он холост. Особые приметы: на правой кисти выколот штык, на одном плече – десантный автомат, на другом – американский флаг, на груди орел с расправленными крыльями. На острове прошел курс подводного плавания и получил соответствующий сертификат.

Дважды заказывал себе в номер проституток, расплачивался честно, но чаевыми девушек не баловал. Вечера проводил в барах, пил достаточно много, но до потери контроля над собой не напивался.

Это было то, что нужно. Баяни де Кастро достал мобильник и набрал номер:

– Клиента зовут Дэн Ливингстон, – сказал он властно, – прилетает из Катиклана. На свой рейс опоздал. У тебя целые сутки. Как договаривались: встретить, разместить, прокрутить по полной программе и взять тепленьким.

Предвкушая хороший навар, капитан полиции с удовлетворением потер друг об дружку ладони и сказал, обращаясь к отсутствующему в кабинете Биллу Вольфу:

– Теперь парень наш! Он подходит по всем статьям, и двадцатью тысячами долларов вы, мистер Вольф, не отделаетесь!

5. Ани Ламберт

Утром в своей двухкомнатной квартирке в Париже высокая смуглая женщина с густой гривой рассыпавшихся по плечам черных волос заваривала кофе. На кухне громко работал телевизор. Журналистка Ани Ламберт, пританцовывая у плиты, старалась не пропустить ничего важного из утренних новостей.

На экране возникла темная треугольная громада вулкана Майон на Филиппинах. От вершины к небу поднимались клубы густого белого дыма, и, отклоняясь в сторону, приобретали очертания сказочного горбуна в чалме. «В связи с угрозой извержения, – бодро сообщила тёмнокожая дикторша, – правительство Филиппин приступило к эвакуации населения из опасного района. К подножию вулкана брошены армейские подразделения, которые вывозят жителей. На сегодняшний день эвакуировано более пятидесяти тысяч человек».

Сказанное проиллюстрировал репортаж с места события: изможденных и растерянных людей солдаты набивали в грузовики как сельдь в бочки. Вот они подвели к открытому борту старуху, которая не могла идти сама: седые волосы, сколотые на затылке гребнем, растрепались, по сморщенным щекам текли слезы. Она показывала пальцем назад и что-то говорила.

«Многие местные жители не желают покидать родные места, – перевела движения бледных старческих губ телеведущая, – но правительство неумолимо: на проведение эвакуации выделены десятки миллионов песо, и население должно покинуть опасную зону».

Далее говорилось о разгуле мародерства в оставленных жителями деревнях, и телекамера показала мотоциклистов с корзинами, набитыми убогим скарбом, поспешно отъезжающих от хижин, молодых людей с плетеными циновками и свертками на плечах.

«Армейское командование разрешило солдатам применять оружие против мародеров, три человека убиты, – поведала диктор. – Филиппинские правозащитные организации оспаривают правомерность действий армии в зоне бедствия и намерены подать в суд на министра обороны».

Засмотревшись, Ани чуть было не упустила кофе: коричневая пенка быстро поднялась и уже была готова перехлестнуть через край ковшика, однако в последнюю секунду тот был подхвачен, и пенка неохотно сползла вниз.

Известная своей неукротимой энергией и упрямым характером Ани Ламберт обладала чутким профессиональным нюхом и остро заточенным пером. Писала на французском и английском. Будучи несвязанной формальными контрактами, действовала как «вольный стрелок», рассылая свои репортажи, интервью и фотографии по различным агентствам, газетным редакциям и телевизионным каналам. Ее охотно печатали и хорошо платили. Часть заработанных средств Ани тратила на поддержание сети помощников, готовых за плату выполнять ее поручения.

Француженка поднесла ковшик к столику, на котором уже лежали запеченные с сыром тосты. Налила темный ароматный напиток в белую кофейную чашечку с золотым ободком и, не отрывая глаз от телевизора, с удовольствием хрустнула гренкой, намазанной густым малиновым вареньем.

На экране тем временем продолжалась филиппинская тема: авианосец «Джордж Вашингтон» в окружении четырех кораблей сопровождения на рейде у филиппинских берегов. С палубы авианосца взлетает двухвинтовой тяжелый вертолет. Американский морской пехотинец протягивает плюшевого медвежонка филиппинской девочке.

Эти картинки сменило строгое лицо адмирала Кондраки. Командующий в черном кителе с серебристыми нашивками на обшлагах, его короткие с проседью волосы аккуратно расчесаны на пробор.

«Американские моряки не оставят в беде филиппинский народ, – звучит уверенный адмиральский голос. – Мы помогли, и будем помогать Филиппинам».

«Адмирал Кондраки заявил, – продолжала за кадром ведущая, – что в связи с участвовавшими в этой островной стране природными катаклизмами, американское командование планирует сделать более насыщенным график заходов своих кораблей в филиппинские порты. После посещения района бедствия ударная авианосная группа во главе с авианосцем “Джордж Вашингтон” направится в филиппинский порт Субик для пополнения запасов воды и продовольствия».

«Это же надо, – поморщилась журналистка, – под предлогом раздачи игрушек держать в водах чужой страны авианосец, содержание которого обходится в полмиллиона долларов в сутки! Хочешь помочь, так помоги по-настоящему. Без «Джорджа Вашингтона» и плюшевых мишек. Иезуит!»

Ани отлично понимала, что не извержениями вулканов, землетрясениями, тайфунами и наводнениями вызваны решения адмирала постоянно держать боевые корабли в филиппинских водах.

«Как бы этот хитрый лис не надумал повернуть какую-то аферу. Наверняка он что-то замыслил», – решила Ани и набрала номер своей филиппинской помощницы Синтии Круз.

– Йес, мэм, слушаю, – пропела трубка несколько хрипловатым голосом. – Вас интересует обстановка вокруг Майона?

– Нет, Синтия. С вулканом все более или менее ясно. Я тебя попрошу съездить в Субик. Туда должен зайти «Джордж Вашингтон». Сними номер в гостинице и постарайся познакомиться с представителем фирмы «Мэритим сервис» Биллом Вольфом. Это человек близкий к адмиралу Кондраки, имя которого, я думаю, тебе известно.

– Конечно, мэм.

– Так вот, неплохо было бы через Билла отследить политические интриги Стивена Кондраки на Филиппинах.

– Этот Билл женат?

– Женат, но супруга постоянно живет в Штатах, на Филиппинах не появляется. Насколько я знаю, большой любитель сигар и по женской части не промах.

– Побываю в порту обязательно, – пообещала Синтия. – Надеюсь, познакомлюсь с этим любителем сигар.

6. Пятая «морская свинка»

Сообщая Кондраки о пятой «морской свинке», Билл Вольф имел в виду Нимфу Санчес – простую деревенскую девушку, приехавшую недавно в Манилу из бедной филиппинской провинции Албай.

Худощавая, длинноногая, на голову выше своих деревенских сверстниц, она не подходила под сложившиеся в провинции стандарты красавиц и к своим двадцати двум годам не имела никаких видов на замужество.

Застенчивая улыбка этой скромной девушки не трогала сердца местных парней. Не замечали они красоты волнистых смольных локонов, стройной фигуры, улыбчивого лица и доброты своей землячки, а трудолюбием, которое Нимфа унаследовала от родителей, в провинции Албай никого не удивить.

Место, в котором проживала семья девушки, никак нельзя было назвать уютным. Над деревней и окружавшими ее рисовыми полями нависал известный своим коварным нравом вулкан Майон.

«Каждый день живем, как последний», – повторял отец Нимфы – Рудольфо, поглядывая на начинавшую в очередной раз куриться темную громаду.

Но, что делать, куда податься, когда нет денег. Супруги Санчесы вырастили шестерых детей. Старшие завели свои семьи и разъехались. Три года назад женился младший из сыновей Хосе. Отец направил его в Манилу: пусть заработает и поможет купить землю в более спокойном месте. Хосе зацепился в столице, стал подрабатывать на стройках, из бросовых материалов возвел хибарку в южном пригороде.

– Давай, дочка, поезжай к Хосе, – сказал Рудольфо своей младшей, когда внутри громадной горы опять что-то глухо заворчалось, а над кратером появился легкий дымок. – Мы с матерью уже пожилы и, если что случится с нами, не так страшно, а тебе еще жить да жить.

Перебравшись к брату, Нимфа приютилась в его неказистом жилище, похожем на сотни тысяч бедняцких хибар, облепивших со всех сторон Манилу, как ракушки днище старого парохода. Крытое ржавым железом хлипкое строение днем раскалялось от солнца, по ночам содрогалось от грохота самолетов, взлетающих с расположенного поблизости аэродрома.

Утром, еще затемно, Хосе уезжал на работу, возвращался поздно. Его жена Серия, выставив лоток около своей лачуги, приторговывала сигаретами, бананами, мылом и прочей мелочью. На таком бизнесе миллионов не наварить. Семья перебивалась с воды на рис.

Нимфа, как могла, старалась помогать по дому, но этого было недостаточно, надо было зарабатывать деньги. Девушка была согласна на любой труд: убирать чужие квартиры, стирать, гладить, нянчить детей, ухаживать за богатыми стариками, но найти работу в Маниле не так просто.

Хосе расклеил на автобусных остановках объявления. Неделю назад ему на мобильный телефон позвонила женщина и сказала, что ищет домработницу. Вкрадчивым голосом спросила про Нимфу, выяснила адрес. Обещала позвонить, но звонок не повторила.

– Наверное, подыскала себе другую помощницу. Таких, как ты миллионы, а мест на всех не хватает. Ничего, будут еще звоночки. Девушка ты молодая, сообразительная и работу себе со временем найдешь, – утешала Серия расстроенную Нимфу.

А тут Майон совсем распоясался. Белый дым над кратером потемнел и сгустился, глухое ворчание в недрах горы усилилось, по ночам снопы искр, вылетающих из жерла вулкана, расцвечивали темное небо кровавыми красками.

– Да, жить моим родителям больше негде. Придется потесниться и потуже затянуть пояса, – сказал со вздохом Хосе, узнав из телевизионных новостей, что правительство полно решимости отселить всех жителей от подножия Майона.

– Боже милосердный, – перекрестилась Серия, – помоги Нимфе найти работу.

7. Лаборатория «733»

От того деревенского мальчика, который бредил суворовским училищем, Александр Иванович Строев прошел длинный путь. Черный китель и алые погоны суворовца Саше примерить не довелось, но он отслужил в армии два года срочной службы, с отличием окончил военное училище, получил офицерское звание, прошел Афган и Чечню, был дважды ранен. Показал себя умным и решительным командиром, умеющим сохранять хладнокровие в критических ситуациях.

После Чечни, где командовал дивизией, Строев окончил курсы для высшего командного состава при Генеральном штабе и был переведен в центральный аппарат Министерства обороны. Ни перед кем не заискивал, никого ни о чем не просил, но благодаря широкому профессиональному кругозору, четкой логике мышления и умению быстро и грамотно решать поставленные задачи, быстро продвигался по служебной лестнице.

Получил генеральское звание и за несколько лет штабной карьеры стал одним из самых влиятельных руководителей ведомства. Назначенный из гражданских министр обороны Цусик, недолюбливая Строева, вынужден был считаться с мнением профессионала.

И вот теперь распечатка откровенного разговора сенатора, кандидата в президенты США Майкла Ферри с командующим Восточноазиатской группировкой Стивенем Кондраки лежала на рабочем столе этого профессионала.

Задумавшись, Александр Иванович двумя пальцами пригладил маленькие серебряные усики. Поставив задание капитану Сенину, он рассчитывал, что удастся нащупать каналы связи адмирала Кондраки с Министерством обороны. Получилось не совсем то. Выявили и смогли прослушать линию, соединяющую командующего группировкой всего с одним абонентом, но каким!

Из контекста перехваченной беседы следовало, что Майкл Ферри поддерживает неформальные отношения с Кондраки и делится с ним планами отстранения от власти президента Ларри Гровера. Упоминание сенатором в этом контексте имени застреленного в Далласе президента США Кеннеди звучало зловеще, но больше всего российского генерала обеспокоило название лаборатории «733» в сочетании со словами «вакцина», «препараты», «воздействие ядов», «подопытные», «морские свинки», «испытания», «вербовка».

Сказать, что Александр Иванович обладает хорошей памятью, не сказать ничего. Этого коренастого генерала со строгим внимательным взглядом карих глаз, густым ежиком русых с проседью волос и аккуратными, коротко стриженными усиками называли в военном ведомстве «человек-компьютер», что соответствовало его уникальным способностям.

Память генерала была феноменальной. Александр Иванович мог назвать по имени и отчеству человека, с которым встречался несколько лет назад, вспомнить детали разговора, при каких обстоятельствах он состоялся. Строев не записывал номера телефонов, он их запоминал. Голова его хранила схемы важнейших исторических сражений, статистические данные, кодовые названия различных военных объектов, годы жизни императоров и великих полководцев, имена, фамилии, отчества и даты рождения окружающих его людей.

«Лаборатория 733», – задумчиво произнес генерал.

Упомянутый Майклом Ферри объект вызвал в памяти Александра Ивановича другое кодовое наименование: «Отряд 731». Он вспомнил поездку в Китай, деревню Пинфан, длинное, похожее на казарму здание, куда водили российскую военную делегацию китайские коллеги. Теперь это музей, а начиная с тридцатых годов XX века и вплоть до освобождения этой территории частями Красной армии, здесь действовал «Отряд 731» – японская фабрика бактерий, занимавшаяся выведением спор сибирской язвы, бактерий чумы, брюшного тифа, холеры.

Японский император Хирохито, мечтая о завоевании мирового господства, понимал, что только обычными вооружениями достичь этой цели невозможно. Тогда, в начале тридцатых годов прошлого века, Токио взял курс на создание бактериологического оружия, посредством которого можно было при минимальных затратах уничтожить миллионы людей.

Эффективность выведенных «Отрядом 731» бактерий проверялась на азиатах и европейцах. В качестве подопытных представителей азиатской расы использовались китайские, корейские и монгольские крестьяне, а европейской – русские эмигранты, проживавшие в находящемся неподалеку от фабрики бактерий городе Харбине.

Вернувшись из Китая, Александр Иванович ознакомился с захваченными во время войны японскими трофейными документами. Начальник военного архива подвел его к стеллажу с пожелтевшими папками «Отряда 731». В них были карты и фотографии секретного объекта, состоявшего из ста пятидесяти зданий, включая крематорий, в котором сжигались тела жертв эксперимента. Скользя взглядом по выцветшим подборкам документов с иероглифами на обложках, Строев обратил внимание на стоящую особняком папку, обозначенную кодом «733».

– Это, по-видимому, относится к какому-то филиалу основного объекта, – пояснил сопровождающий. – Но все документы в подборке зашифрованы. Сразу после войны армейские шифровальщики пытались их раскодировать, но не получилось. Потом посчитали, что материалы потеряли актуальность. Так вот и пылятся на полке, уже, наверное, и объекта давно нет, а папка все хранится, а что в ней, никто не знает.

Строев перелистал желтые хрупкие листки, исчерченные колонками цифр. Ни схем, ни фотографий, которые могли бы натолкнуть на мысль о назначении и характере объекта, скрывающегося за кодом «733», не было. Тогда генерал подумал, что при нынешней технике вскрыть старый японский шифр, не проблема, но прошло уже семьдесят лет, кому она в наше время нужна эта макулатура.

Теперь же из перехваченного разговора выяснилось, что «Лаборатория 733» существует и действует под американским контролем, а российская сторона сведениями о ней не располагает. Строев запросил из архива заинтересовавшую его папку, вызвал начальника шифровальной службы и сказал, придвигая к нему документы:

– Сегодня у нас пятница. – Генерал на секунду задумался. Во вторник ему предстояло вылететь в Париж и, до отъезда в командировку Александр Иванович очень хотел бы знать, что представляет собой эта «Лаборатория 733». – В воскресенье утром расшифрованный и переведенный на русский язык материал должен лежать у меня на столе. Понятно?

– Так точно, товарищ, генерал, к воскресенью сделаем, – пообещал шифровальщик, уложил папку в портфель и, козырнув, вышел.

8. Анджелес

Самолет приземлился в Кларке с трехчасовым опозданием. Бывшая американская военно-воздушная база встретила Ливингстона изнуряющей жарой. В полете Дэн еще дважды заказывал виски. Он не был сильно пьян, но пары спиртного клубились в его голове, как предгрозовые облака над Боракаем.

Только чудо могло спасти его сегодняшнюю программу, но чуда не случилось, самолет на Хошимин в соответствии с расписанием вылетел более часа тому назад. Следующий рейс планировался через сутки. Перебронировав билет, Дэн Ливингстон позвонил мадам Бинь и перенес переговоры. На выходе из здания аэропорта к Дэну подошел щербатый, разбитного вида таксист и, покосившись на штык, выколотый на правой кисти американца, предложил отвезти его в Анджелес.

– В Кларке нет приличных гостиниц, сэр, – прошепелявил он, – а до Анджелеса езды несколько минут.

– А там, как с местами?

– Мой знакомый, сэр, содержит отличный трехзвездный отель, поедем, не пожалеете.

«Отличный трехзвездный отель» оказался серым двухэтажным строением с лавкой электротоваров внизу, узкой грязной лестницей и четырьмя номерами на втором этаже. Багаж взялся поднести сам хозяин – маленький узкоглазый мужчина лет пятидесяти. Полотно обшарпанной двери, к которой он подвел Дэна, было изуродовано фанерными заплатками, будто каждый второй постоялец имел привычку терять ключ и проникать в номер путем взлома. Хозяину, видимо, надоело постоянно чинить дверь, и теперь только черная дыра зияла в той ее части, где когда-то в последний раз стоял замок.

– У нас персонал исключительно честный, – в ответ на недоуменный взгляд гостя, сказал владелец «трехзвездочного отеля», – будьте уверены, нитки не пропадет. Я отвечаю.

Дэн покосился на дверь напротив, она выглядела еще хуже.

– Мы вас размещаем в лучшем номере, – засуетился филиппинец, втаскивая чемодан внутрь.

Оставив вещи, Дэн спустился вниз. Тот же щербатый таксист поджидал у входа.

– Может, девочку, сэр, скоротать вечерок? – через зеркало бросил он быстрый взгляд на клиента, устраивавшегося на заднем сиденье. – У меня есть знакомая. Тело, – он сложил в щепотку кончики пальцев и смачно поцеловал, – молодая, но все умеет. Не дорого, сэр. Возьмете – не пожалеете.

– Не надо девочку. Вези в ресторан, – хмуро ответил Дэн.

Таксист, казалось, не обиделся за то, что его «знакомая» не была должным образом оценена. Он лихо подрулил к китайскому ресторанчику. Выскочил первым, кивая на Дэна, о чем-то пошептался с вышедшим навстречу официантом.

– Я замолвил словечко, сэр, и он обслужит вас по высшему разряду, а я подожду и после того, как вы пообедаете, покажу городок.

– Не надо ждать, – разозлился Дэн, которому надоел этот развязный парень.

Таксист получил запрошенную сумму и уехал.

Ресторан представлял собой длинное, узкое и не очень чистое помещение, уставленное двумя рядами столиков, покрытых красными скатертями. Дэн заказал бутылку пива, открыл папку с меню, углубился в изучение блюд китайской кухни. Выбрав суп из морепродуктов, тушеные овощи, креветки и свинину в кисло-сладком соусе, закрыл папку и отодвинул от себя. Через две минуты он уже тянул из стакана холодное пиво и хрустел солеными орешками.

Вместе с остро пахнущей жареным чесноком едой официант принес рюмку китайской рисовой водки, объяснив, что ее в знак уважения прислал хозяин, и показал глазами наверх.

Там, на балконе, нависающем над узким зальчиком, стоял, опираясь о темные перила, маленький лысый китаец, лицо которого лоснилось от гостеприимства и доброжелательности. Дэн выпил отдающую восточной парфюмерией водку и кивком поблагодарил хозяина.

Что было после, память сохранила смутно. У выхода из ресторана Ливингстона ожидал другой таксист, который взялся провезти по городу. В каких барах был и сколько выпил, Дэн не запомнил.

Когда глубокой ночью он вернулся в гостиницу, в номере горел тусклый ночничок. Пощелкав несколько раз выключателем, Ливингстон так и не смог зажечь потолочный светильник. Только в ванной комнате освещение было нормальным.

После душа, сбросив с себя мокрое полотенце и нырнув под простыню, Дэн вдруг почувствовал, что в постели еще кто-то есть. Американец вскочил в чем мать родила и сел на кровати. В это время дверь с грохотом распахнулась. Яркий свет полоснул по глазам. В комнату ворвались несколько человек, среди них женщина и двое полицейских. Шум, крики, вспышки фотоаппаратов. Женщина с воплем бросилась к постели, на которой, у Дэна глаза полезли на лоб, лежала голая девушка. Немного помедлив, чтобы дать ворвавшимся возможность завершить фотосессию, девица спрыгнула с кровати и, на ходу завернувшись в простыню, скрылась в коридоре.

Старший из полицейских на ломаном английском сказал, что девушке, которую сэр американец затащил в постель, нет пятнадцати лет. Ее тетка написала заявление в полицию, он ткнул Дэну под нос смятый клочок бумаги. Имеются фотографии. Он поднял вверх мобильный телефон и постучал по нему пальцем. Есть два свидетеля. Блюститель порядка показал кивком на стоявшего у двери хозяина гостиницы и худого парня в застиранных шортах и линялой футболке, в котором Дэн без труда опознал первого таксиста.

Полицейский пояснил, что он, как представитель власти, вынужден составить протокол и арестовать господина. Филиппинские законы относят педофилию и изнасилование к серьезным преступлениям. Господина упекут в тюрьму лет на десять, не менее. Тут он сделал знак рукой, который вымел из помещения всю остальную публику.

Оставшись один на один с Дэном, представитель власти смягчил выражение лица и, показывая на дверь, сказал, что к счастью для господина американца, тетя потерпевшей, мадам Корасон, очень добрая женщина. Она не хочет делать «хорошему господину» неприятности и готова за пятьдесят тысяч долларов забрать заявление. Если господин американец выплатит нужную сумму, дело немедленно будет прекращено, и днем он сможет вылететь, как и планировал, в Хошимин. Полиция не будет этому препятствовать.

– Пятьдесят тысяч баксов, сэр, для вас, американцев, совсем немного, – извинительным тоном добавил он. – Всего каких-то пять тысяч за каждый год заключения.

Тут Дэн Ливингстон окончательно протрезвел и понял, что у него самым бессовестным образом вымогают пятьдесят тысяч долларов. Он затыкнул потуже полотенце на поясе, многозначительно потыкал пальцем в американский флаг, выколотый на левом плече, и заявил, что платить не будет.

Через тридцать минут в переполненной камере местной тюрьмы, в которой находилось пятьдесят два заключенных, появился пятьдесят третий.

Выслушав доклад подчиненного о задержании Дэна Ливингстона, начальник полиции Анджелеса тут же позвонил Биллу Вольфу.

- Рыбку, которую вы заказывали, сэр, поймали.
- Американец? Белый? Один? – деловито спросила трубка.
- Точно, как вы просили, сэр.
- Какой счет ему выставили?
- Пятьдесят штук, сэр. Но платить он не хочет.

– Если согласится на пятьдесят, требуйте сто, согласится на сто, требуйте сто пятьдесят и так далее. Но ни в коем случае не выпускайте. Хорошо его промурыжьте, пусть почувствует, что такое филиппинская тюрьма. А тут и я к нему подъеду.

– Да, сэр. Но и вам меньше чем за полсотни мы его не отдадим.

– Почему? Ведь мы договаривались за двадцать?

– Бизнес есть бизнес, сэр. Зачем же я отдам за двадцать, когда мои ребята могут отжать все пятьдесят?

– Дам тридцать и ни цента больше. Будешь ломаться, нашлю на тебя посольство, тогда вообще получишь шиш с маслом.

Начальник полиции понимал, что Билл Вольф вряд ли станет вмешивать в это дело американское посольство, но решил не рисковать и согласился. Тридцать штук «зелеными» на дороге не валяются.

9. Цусик

Когда генерал Строев вошёл в приемную комнату, секретарша министра Алла Булкина, небольшого роста плотная блондинка с высокой грудью подняла глаза от любовного романа.

– Цусик занят, подождите, – недовольно прошипела она и опять уткнулась в книгу.

Александр Иванович устроился в кресле в углу и стал ждать. То, что Булкина назвала министра не по имени и отчеству, а по фамилии, означало, что между любовниками случилась очередная ссора, и глава военного ведомства находится не в лучшем настроении. И, словно в подтверждение этих мыслей, из министерского кабинета донесся грозный рык Цусика. Высокие, обитые кожей двойные двери с треском распахнулись, и из кабинета вывалился начальник управления оперативного планирования Павел Ефимович Белецкий – маленький седенький генерал-лейтенант. Притворив за собой дверь и блуждая по стенам безумным невидящим взглядом, он вытер платком пот со лба, встряхнулся, будто пес, на которого вылили ведро холодной воды, издал звук «У-у-ф!», постоял немного, успокаиваясь, и, когда лицо приобрело какие-то признаки осмысленности, вышел в коридор.

– Разрешите, – произнес Строев, входя в кабинет министра.

Цусик, еще не остывший после разговора с начальником управления, восседал за столом с видом Зевса, готового метать молнии. Но разговаривать со Строевым в таком же ключе, как с Белецким, Цусик позволить себе не мог. Маска греческого громовержца на его лице сменилась недовольной кривой миной.

– Ну, с чем пожаловали? – спросил министр и покрутил шеей, словно его душил воротник.

Такой жест означал, что Алексей Эдуардович занят исключительно важными проблемами и не желает, чтобы ему досаждали всякой мелочью. Цусик не любил, когда к нему заходили без приглашения.

– У американцев появился новый, ранее неизвестный нам вид биологического оружия. – Александр Иванович выложил на стол кожаную папку с золотым тисненым двуглавым орлом посередине и придавил ладонью.

– Что там? – Цусик с подозрением покосился на две орлиные головы, развернутые в противоположные стороны.

– Очень интересные документы. Я бы хотел вас с ними ознакомить.

– Мне некогда читать. Доложите устно, только кратко, пожалуйста.

На шее у министра Александр Иванович заметил густо припудренный засос, а на щеке также под слоем пудры длинную розовую царапину, оставленную, судя по всему, острым ногтем прапорщика Булкиной. Поймав взгляд Строева, Цусик подпер правую щеку ладонью, закрыв, таким образом, от генерала следы полной бурных страстей ночи.

– Докладываю. – И Строев, чтобы не нагонять смущение на министра, перевел взгляд на окно. – По поступившим данным, командующий Восточноазиатской группировкой США адмирал Кондраки заполучил в свои руки до этого неизвестный нам тип биологического оружия – ядовитых мух, укусы которых смертельны для человека.

– Это новость, из-за которой вы считаете возможным врываться к министру и ломать ему рабочий график? – голос Цусика приобрел стальное звучание.

– Это важная новость, поскольку под контролем адмирала Кондраки оказались запасы погруженных в анабиоз и готовых к применению опасных насекомых в объеме достаточном, чтобы нанести невосполнимый ущерб армиям и населению многих стран. Ядовитые мухи размещены на одном из островов в Тихом океане и представляют прямую угрозу, по крайней мере, для наших восточных районов.

Аргументы и тон, которым Строев высказал их, заставили министра на миг отвлечься от мыслей о вновь вошедших в зону турбулентности отношениях с секретаршей и проявить положенный по должности интерес.

– Откуда сведения?

– Источника два. Они оба перед вами, – генерал кивком головы показал на папку. – Перехват телефонного разговора Кондраки с сенатором, кандидатом в президенты США Майклом Ферри и расшифрованный нами отчет Сиро Машимото – руководителя японской секретной «Лаборатории 733», занимавшейся выведением породы ядовитых мух. Японский документ подписан декабром 1944 года.

В глазах Цусика вспыхнула искорка надежды, что ему все-таки удастся избавиться от проблемы, которую ему пытается навязать этот настырный генерал, освободить кабинет от бестактного посетителя, пригласить прапорщика Булкину в комнату релаксации, дверь в которую прикрыта тяжелой шторой, и там, на кожаном диване, добиться наконец примирения.

– Зачем вы явились ко мне с таким старьем? Прошло больше семидесяти лет. Эти мухи, если они и были, в чем я глубоко сомневаюсь, давно превратились в труху.

– Извините, не совсем так. Судя по разговору Кондраки и Ферри, арсенал годен к применению. Более того, с помощью ядовитых мух эти двое намереваются захватить власть в Соединенных Штатах, а затем шантажировать весь мир.

Министр поморщился.

– Это вы мне какой-то голливудский боевик пересказываете. Таких фильмов, извините, я посмотрелся вот так, – Цусик приподнял подбородок и выразительно чиркнул по нему ногтем большого пальца. – Я не хочу выслушивать затертые сюжеты идиотских сценариев на рабочем месте и в рабочее время. – Он раздраженно застучал костяшками пальцев по массивной инкрустированной столешнице. – Сколько там всего этих дохлых мух?

– Тридцать шесть тысяч ядовитых особей, погруженных в анабиоз, – выдал Строев.

– Вот видите. Какой-то мизер. Такого количества может быть и достаточно, чтобы вывести из строя одну дивизию, но чтобы завоевать весь мир, уж вы меня извините!

– Эти насекомые крайне опасны, поскольку обладают беспредельным потенциалом размножения. Какой-то десяток мух за один летний сезон может принести многомиллионное потомство! А их не десять, не сто, а тридцать шесть тысяч!

– Но, в конце концов, есть же такое средство, как дихлофос. Побрызгал – и нет проблемы.

– Дихлофосом от них не отделаешься. Выведенная порода устойчива к воздействию химических веществ.

– Собственно, что вы хотите от министра? Получили информацию и решайте вопрос. При чем здесь министр?! Этому министр, тому министр. Министр нужен всем, как тот Фигаро, а он не может делать все и за всех!

– Этим вопросом я занимаюсь, – вскипел Строев, – но вы спланировали мне командировку в Париж. Пусть туда летит кто-либо другой. Миссия не носит серьезной переговорной нагрузки, просто делегационный обмен. Мы к ним, они к нам. Покажут Министерство обороны, замок какого-нибудь ненормального маркиза, площадь Этуаль...

– Ля пляс дэ Летуаль, – с чувством превосходства произнёс Цусик и добавил: – Как же я поменяю вас на кого-то другого, когда лично обещал моему французскому коллеге генерала Строева. Французы могут расценить такой наш разворот как неуважение, а они народ обидчивый. Только неделю тому назад я подтвердил министру ваш приезд, а теперь, чем оправдать отказ? Слетайте, это какие-то три дня, куда за это время ваши мухи не денутся.

– Это не мои мухи, – насупился Строев.

– Понимаю, с моей стороны это была просто шутка, они, конечно, не ваши, но, когда я услышу опять про этих мух, передо мной обязательно всплывет ваше лицо. То есть такая зрительная ассоциация. И про себя я теперь буду называть их «мухами Строева».

– Благодарю за высокую честь, – язвительно отозвался генерал. – Мне надо готовиться к выезду в командировку. Разрешите идти?

«Возникла серьезная проблема. В руках американского военно-промышленного комплекса оказалось мощное биологическое оружие, от которого у России не имеется средств защиты, а Цусику и дела нет», – возмущался про себя Строев, выйдя из кабинета шефа.

Отчет Сиро Машимото, на который министр не потрудились взглянуть, сам Александр Иванович прочитал дважды и знал практически наизусть. Из документа следовало, что «Лаборатория 733» действовала на острове Ликпо – в японской версии остров Исикума, расположенном в одной тысяче километров восточнее филиппинского острова Самар и в пятистах километрах южнее американского острова Руам. Ядовитую муху, которую японцы называли тэнгу, предполагалось применить для уничтожения живой силы противника, зачистки завоеванных территорий от «избыточного населения» и создания «пояса безопасности» вокруг Японии.

Как следовало из расшифрованного документа, препятствием на пути применения этого оружия стало отсутствие защиты, способной обезопасить от смертоносного насекомого японскую армию. Первую партию противоядия Сиро Машимото намеревался изготовить и передать в распоряжение Императорской армии не позднее июня 1945 года.

«Не успел», – сделал вывод Строев.

Из истории сражений на Тихоокеанском театре он знал, что к весне 1945 года союзнический, главным образом американский флот, блокировал южный форпост Японии – остров Окинава, отрезав, таким образом, «Лабораторию 733» от метрополии.

Из перехвата телефонного разговора командующего группировкой с сенатором Ферри следовало, что адмиралу Кондраки удалось то, что не успели сделать японцы. Он обзавелся защитной вакциной, которая находится в стадии завершающих испытаний, причем Ферри требует вовлечения в эксперимент в качестве подопытного и белого американца.

«Я лично обещал Строева... французы народ обидчивый...» – передразнил Александр Иванович министра. – Откуда он взялся, этот Цусик? Из какого темного чулана его достали, отряхнули от пыли и посадили на нашу голову? Поистине неисповедимы замысловатые пируэты мышления высокого руководства. Откуда берутся и как вызревают такие вот кадровые решения?! Пусть бы где-то в другом месте. Но, чтобы отдать кресло министра обороны такому чучелу и поставить безопасность великой страны в зависимость от тараканов в этой напояженной голове, это надо долго думать!»

10. Свиной грипп

Ночью над Гринхилсом прошел сильный дождь. Солнце, поднявшееся с утра над холмами, нещадно палило. День обещал быть жарким. Потомственный свиновод Дин Бутман, задумавший расширение бизнеса, перед тем как выехать в город на переговоры с проектировщиками, приказал работнику расчистить участок, на котором намеревался построить новые свинарники.

Часа два трактор глухо рычал, освобождая площадку у старого дуба. Рауль Вирджилио, один из миллионов латиноамериканцев, каждый год нелегально пробирающихся в Соединенные Штаты в поисках заработка, умело орудовал рычагами, то поднимая, то опуская тяжелый бульдозерный нож. Над развороченными мокрыми навозными кучами поднимались вверх к белесому небу потоки густых испарений. Во время одной из манипуляций нож задел прикрытую грунтом, позеленевшую от времени латунную коробочку размером с сигаретную пачку. От удара в ней образовались глубокие вмятины и рваное отверстие. Трактор сгреб изуродованный предмет вместе с другим мусором на край площадки. Окончив работу, Рауль заглушил двигатель и направился в ангар, где содержались поросята.

К полудню из искореженной коробочки выползли одна за другой пять вялых, истощенных мух. Изначально их было двенадцать, но семь погибли от удара и навсегда остались в латунном плену. Выжившие подкрепились из зеленой зловонной лужи и, волоча по земле слабые крылышки, переместились на солнце. Через некоторое время насекомые взбодрились и стали взлетать. Первые их неуверенные полеты длились всего лишь по несколько секунд, но каждая новая попытка становилась продолжительнее. Словно заряжаясь энергией от палящего светила, они двигались все увереннее и быстрее.

Спустя некоторое время вся летающая команда перелетела на территорию свинофермы и расселась по железным балкам ангара, в котором в ожидании кормежки нетерпеливо повизгивали сотни породистых свиней. Но не эти хрюкающие твари интересовали освободившихся из латунного плена мух. Устроившись под потолком, они пристально следили за мелькающими внизу желтыми комбинезонами работников. Их было четверо: трое мужчин и одна женщина. Наконец первая муха сорвалась с места и, облетев орудовавшего лопатой Рауля, спикировала ему на кисть. Рабочий вскрикнул от острой боли, в глазах у него пошли красные круги, он дернулся несколько раз и упал на бетонный пол.

Дин Бутман возвратился из города только к четырем часам и еще на подходе к ферме услышал голодный поросячий визг. Ворвавшись в помещение, хозяин с побагровевшим лицом нервно зашагал по зажатому клетками проходу. Теснившиеся за решетками голодные животные с ненавистью тыкались розовыми пяточками в пустые кормушки и раздраженно хрюкали, а завидев свиновода, подняли такой визг, что у Дина зазвенело в ушах. Истерическая реакция поросячьего сообщества на грубое нарушение распорядка раздувала стучавшую в висках мистера Бутмана злобу.

«Выгоню, к чертовой матери, всех выгоню!» – в бешенстве сжимал он волосатые кулаки.

Гнев владельца фермы сменился ужасом, когда он споткнулся о торчавшие из-за угла стоптанные кроссовки и увидел растянувшегося на полу Рауля Вирджилио. Мексиканец лежал навзничь, повернув голову набок. Одна рука была закинута за голову, другая безвольно вытянута вдоль тела. Поза потомка древних ацтеков и мертвенная бледность, проступившая на его смуглом лице, говорили о том, что Рауль не просто прилег отдохнуть, а заснул вечным сном, от которого его уже никто пробудить не сможет.

Этот небольшого роста, крепко сбитый, мускулистый парень мог отпахать свои десять часов на ферме, а затем, расправив смоляные усы и сбрызнувшись одеколоном, ускользнуть в ночь на мопеде. Время до утра мексиканец обычно коротал в вагончике пышной мулатки

Эльзы – работницы, расположенной в полутора милях отсюда птицефабрики, или в городе, в небольшом одноэтажном домике хозяйки булочной, пятидесятишестилетней блондинки Евы Полонски. Это казалось невероятным: жизнелюб Рауль Вирджилио, который один мог вкалывать за троих и иметь при этом двух любовниц, был мертв.

Выхватив из кармана мобильный телефон, Бутман набрал номер срочной медицинской службы и срывающимся от волнения голосом объяснил ситуацию. Завершив звонок, потомственный свиновод двинулся было к конторке, но откуда-то сверху на него налетели две мухи. Мужчина попытался отмахнуться, но почувствовал жгучие уколы в шею и левый локоть. Дин Бутман задрожал как в лихорадке, в глазах у него потемнело. Он сделал шаг назад, зашатался, не удержал равновесия и рухнул, уткнувшись лицом в грязные кроссовки мексиканца.

Медицинская бригада, прибывшая спустя шесть минут, обнаружила на ферме пять жертв. Помимо хозяина и Рауля скончались еще два мексиканца и жена одного из них. На подъезде к пороссячьему царству взвыли сирены. На помощь первой бригаде, прибыли вторая и третья. Лица санитаров были закрыты масками, руки перчатками, длинные голубые брюки прикрывали щиколотки. Впрочем, медики могли бы и не оберегаться. Совершив свое подлое дело, вся зловещая пятерка одновременно поднялась и, строем фронтовых штурмовиков, возвращающихся с боевого задания, покинула пределы фермы.

Мухи устроились на ночлег у старого дуба, в месте, которое, по их понятиям, можно назвать райским – в политых обильным дождем и прогретых жарким дневным солнцем кучах свиного навоза.

«Свиной грипп на ферме Дина Бутмана» – сделали поспешный вывод падкие на сенсацию журналисты, и эта новость волной прокатилась по Америке, а затем и по всему миру.

11. Николая Бризар

Под крыльями «боинга», летевшего из Парижа в Москву, ровно гудели двигатели. Строев в гражданском костюме сидел, вытянув ноги, в широком кресле салона первого класса. На сиденье слева от него читал книгу черноволосый мужчина лет пятидесяти.

Преподаватель московского университета Андрей Петрович Глебов был сугубо штатским человеком, никогда в армии не служил, но тем не менее довольно часто выполнял отдельные, связанные с переводом, поручения военного ведомства. Строев предпочитал, чтобы на встречах и переговорах с иностранцами ему помогал именно Глебов, поскольку тот, не только превосходно знал больше десятка иностранных языков, но и был очень полезен в страноведческом плане.

Судя по светившейся под потолком электронной карте маршрута, позади уже остались Германия и Польша, лайнер находился над Белоруссией. По радио объявили, что самолет пролетает над зоной повышенной турбулентности, Глебов отложил на столик книгу и пристегнулся. Строев, прикинув к стеклу иллюминатора, увидел внизу золотую россыпь огней какого-то белорусского города, затем пошло темное пространство, иногда нарушаемое редкими гроздьями тусклых огоньков полесских деревенок.

– Березина, – констатировал Глебов, показывая пальцем, на обозначившуюся на экране голубую, извилистую ленту.

– За какие-то три часа пролетели почти всю Европу. В юности казалось, что Париж, что-то такое далекое и почти недостижимое, а лететь-то до него в два с половиной раза меньше, чем до Хабаровска, – отозвался на это Александр Иванович.

Генерал замолчал, подумав о том, что двести с лишним лет назад где-то здесь граф Николай Нелюбов подобрал и спас погибающего в белорусских снегах раненого корнета французской армии Оливье Бризара. Эту историю Строеву рассказал прапраправнук спасенного корнета, полковник французского Генерального штаба Николая Бризар. Он подошел к российскому генералу с бокалом вина на небольшом приеме, устроенном российским послом по случаю пребывания Строева во Франции.

– Николай, – представился русским именем французский полковник.

Они чокнулись и пригубили из бокалов. Строев достал из нагрудного кармана визитную карточку и протянул француз, тот в ответ сделал то же самое.

– Вы говорите по-русски? – спросил Александр Иванович, внимательно вглядываясь в глаза нового знакомого.

– Нет-нет, совсем чуть-чуть, – смутился тот.

– Андрей, – позвал Строев переводчика, – помоги нам с полковником поговорить.

Николай Бризар рассказал, что его предок, корнет Оливье Бризар, отступавший в составе армии Наполеона из Москвы, на подходе к реке Березина был ранен в ногу, брошен бегущими товарищами и замерзал, когда его, обмороженного и истекающего кровью, подобрала русские солдаты и доставили к командиру полка графу Николаю Нелюбову. Тот проникся жалостью к молоденькому француз и отправил его в свою усадьбу в Смоленской губернии.

Жена графа Нелюбова умерла, и в отсутствие Николая всем хозяйством заправляла его мать – старая графиня. Она заботилась об Оливье, как о родном сыне, когда тот окреп, предложила преподавать французский язык трём своим внукам, оставшимся без матери.

Вернувшийся с войны Николай Нелюбов подружился с французом. Когда после семи лет, проведенных в России, Оливье Бризар захотел вернуться на родину, граф Нелюбов не стал препятствовать и снабдил французского друга деньгами. Возвратившись во Францию, Оливье вскоре женился и своего первенца назвал Николаем. Эту историю потомки корнета передают

из поколения в поколение, и в честь русского графа Нелюбова каждый первый сын в роду нарекается Николаем.

– Так, что мои прадедушка, дедушка и отец – все сплошь Николая, и меня вы можете называть, как это у вас в России принято, Николай Николаевич, – улыбнулся француз и добавил, что подошел к гостю не только для того, чтобы рассказать эту семейную историю. Его хороший знакомый, политический обозреватель газеты «Монд» Луи Бланше, хотел бы взять интервью у генерала.

Александр Иванович вопросительно посмотрел на Глебова.

– Луи Бланше – известный и очень авторитетный во Франции журналист, – сказал переводчик. – Многие министры считают за честь встретиться с ним. Это будет серьезный материал в серьезной газете.

Сейчас, поглядывая в темное стекло иллюминатора, генерал думал о том, каким количеством крови политы эти две с половиной тысячи километров, отделяющие Москву от Парижа! Миллионы, миллионы могил русских, немецких, французских, итальянских, румынских, сербских солдат. Нет в Европе такого народа, который не потерял бы на этих пространствах своих сыновей! Если с высоты сегодняшнего времени оглянуться назад, в голове возникает логичный вопрос: «Зачем, за что молодых ребят, как того Оливье Бризара, посылали на верную и страшную смерть?!» Поход Наполеона в Россию – безумие, Первая мировая война – безумие, попытки Гитлера и японского императора Хирохито овладеть миром – безумие. В конечном итоге все великие войны окончились крахом для их зачинщиков.

Собственно, такими соображениями российский генерал поделился с Луи Бланше. Тот опубликовал интервью, и свернутая вчетверо газета «Монд» с этим материалом лежала на столике слева от Строева. Теперь, когда Франция осталась позади и самолет подлетал к Москве, мысль о том, что делать и как обуздать эту проклятую муху, опять мучительно заворочалась в голове генерала.

12. Рука Москвы

Солдаты в противогазах и прорезиненных комбинезонах оцепили ферму покойного Бутмана. В ангаре взорвали несколько гранат с газом снотворного действия, и пятьсот восемьдесят породистых, хорошо откормленных поросят тут же уснули. Три автопогрузчика оранжевыми жуками стали ползать по двору и, пятась задом, вывозить на широких стальных вилах спящих животных. За воротами фермы их сваливали в кучи.

Министр сельского хозяйства Дэй Финч договорился с шефом Пентагона Артуром Маккензи о привлечении вертолетов для сжигания приговоренных к смерти свиней. Однако пока все бюрократические и технические препоны были преодолены и винтокрылые машины с баками, запрограммированными на самовозгорающуюся жидкостью, вылетели, время воздействия снотворного было уже на исходе.

Капитан, командовавший оцеплением, то и дело поглядывал на восток, откуда должны были появиться долгожданные вертолеты. Солнце уже начало садиться, когда в вечернем небе раздалось еле слышное стрекотание и показались две темные точки. Стрекотание переросло в рокот, который быстро нарастал. Машины шли друг за другом уступом, как на боевую операцию.

Первый вертолет вышел на цель и завис на мгновение над живым холмом. Хлынувшая вниз темная жидкость тут же превратилась в пламя. Маневр командира повторил второй экипаж. Груды превосходного свиного мяса запылали, и столбы густого черного дыма, клубами поднимаясь вверх, придали предзакатному небу зловещий оттенок. Невинных поросят сжигали на кострах живо, словно еретиков во времена инквизиции. Запах горелого мяса и паленой щетины заполнил окрестности. До окончания четырехчасового срока усыпляющего воздействия газа оставалось минут двадцать. Летчики, освободив ёмкости, развернули машины на обратный курс.

Ни одна самая продуманная военная операция не проходит строго по плану. То ли по причине высокой сопротивляемости свиного организма к воздействию газа, предназначенного для людей, то ли по вине солдат-исполнителей, которые применили меньше гранат, чем требовалось, но от болевого шока, причиненного горящим напалмом, свиньи пробудились раньше срока.

Дикий, режущий уши визг сотен глоток оглушил солдат оцепления. Живые холмы стали оседать и рассыпаться на глазах, как дома на Гаити во время землетрясения. Сотни пылающих факелов, сталкиваясь и обгоняя друг друга, полетели из огненных курганов в разные стороны. Обезумевшие от страшной боли поросята зигзагами носились по двору, выписывая самые невероятные траектории.

Полыхнули деревянные постройки. Вся территория фермы превратилась в бушующее огненное море. Ситуация приобрела непредсказуемый характер. Начальник оцепления приказал открыть огонь на поражение. Трассирующие пули стали резать темное пространство, настигая живые мишени.

Через пятнадцать минут с несчастными поросятами все было кончено. Постройки вяло догорали, отсвечивая то синеватым пламенем, то красными огоньками. Подоспевшие на трех машинах пожарные обрушили из брандспойтов пенные потоки на то, что осталось от фермы. Ещё вчера процветавшее хозяйство Дина Бутмана превратилось в выгоревшую, покрытую пеплом пустыню.

Пожар, однако, не затронул навозные кучи у старого дуба. Мухи, разбуженные звуками выстрелов и ревом оранжевого пламени, пожирающего движимое и недвижимое имущество покойного Дина Бутмана, недовольно поворачали, поворачались, а, когда все кончилось, опять уснули в своих укрытиях.

Свиной грипп! Это могло случиться в Китае, в Индонезии, в какой-нибудь Намибии, в Испании, во Франции и Англии, наконец, но только не в Соединенных Штатах Америки!

Ни ветеринарная, ни медицинская службы не подтвердили скороспелой версии средств массовой информации. В опубликованных на следующий день бюллетенях указывалось, что следов вируса не обнаружено ни в крови погибших сотрудников фермы, ни у животных.

Профессор Джонатан Брегель – самый авторитетный в мире знаток летающих насекомых опубликовал в газете «Вашингтон пост» статью, в которой высказал предположение, что работники фермы могли стать жертвами какого-либо пока еще неизвестного науке комара или мухи.

Летающих кровососущих насекомых на земле насчитывается более восьмидесяти тысяч видов. Профессор допускал возможность мутации одного из них в опасном для человека направлении.

По рекомендации Брегеля власти Гринхилса обработали химикатами территорию сожженной фермы и прилегающую к ней зону. В результате этой акции в радиусе пяти километров исчезли мухи, комары, жуки, бабочки и гусеницы.

Птицы молча снялись и покинули отравленный район, роши, известные своим веселым птичьим щебетаньем, смолкли. Однако яды никак не сказались на самочувствии зловещей пятерки: мухи, расправившиеся с персоналом фермы и ее хозяином, вели себя как взбодренные наркотиками дети цветов – хиппи в Солнечном городе. После бесконечных и беспорядочных спариваний самки за одни сутки отложили триста пятьдесят яиц.

Тем временем из-за мифического свиного гриппа страны-импортеры приостановили закупки свинины в Соединенных Штатах. Такой разворот событий мог самым негативным образом сказаться на американском свиноводстве. Для защиты своих производителей Вашингтон принял беспрецедентные меры давления на партнеров, но они не дали результата. На мировом рынке цены на свинину подскочили на двадцать пять процентов. В лидеры продаж выдвинулась Аргентина, которая выразила готовность заполнить образовавшиеся ниши своей продукцией. Разразилась так называемая «Первая мировая поросычья война».

Министр сельского хозяйства США Дэй Финч, чтобы помочь национальному свиноводству, устроил пресс-конференцию в ресторане городка Нью-Карсон, на которой на личном примере попытался доказать полную безопасность отечественной продукции.

Однако Дэй явно переоценил свои возможности. Съев перед телекамерами три порции жареных на вертеле свиных ребрышек, министр побледнел и уже к середине важного информационно-пропагандистского мероприятия, словно пьяный негр в вагоне нью-йоркской подстанции, стал раскачиваться на стуле, судорожно сглатывая слюну.

Явные признаки того, что «главного фермера страны» затошнило, повергли в шок собравшихся. В зале поднялся испуганный ропот. Когда же помощник Дэя Финча, сославшись на срочный звонок президента, прервал пресс-конференцию, чтобы вывести из зала бледную тень министра, началась паника.

Не притронувшись к исходящим ароматным парком свиным эскалопам, колбаскам, котлетам и пресловутым ребрышкам, которыми Министерство сельского хозяйства пыталось задобрить пишущую братию, «шакалы пера» ринулись к выходу.

Оператор индийской телевизионной компании «Сан тиви» в спешке не успел выключить камеру, и техника добросовестно запечатлела паническое бегство уважаемой публики. Эти кадры затем показали все мировые телевизионные каналы.

Министра откачали и положили под капельницу. За самоотверженность и мужество, проявленное при исполнении профессионального долга, президент страны Ларри Гровер вышел с предложением к американским законодателям наградить Дэя Финча «Золотой медалью Конгресса», и эта идея нашла понимание у большинства парламентариев.

Однако героическое самопожертвование министра не спасло ситуацию. Эффект пресс-конференции оказался обратным задуманному. Перед американским свиноводством, лишен-

ным рынков сбыта, замаячила малоприятная перспектива вынужденного сокращения производства.

Ученые из пяти американских университетов, прибывшие в Гринхилс, бились над выявлением причин трагедии, но не смогли прийти к единому мнению. Рассматривались различные версии от обрушившегося на ферму через озоновую дыру смертельного потока солнечного излучения, до вспышки неизвестной еще науке лихорадки. Суждения профессора Брегеля относительно ядовитых насекомых были оценены скептически.

Известный уфолог Карл Джейкобсон предположил, что с персоналом фермы расправились инопланетяне, которые вознамерились превратить окрестности Гринхилса в плацдарм для захвата Земли. Версия уфолога нашла подтверждение в свидетельствах некоторых горожан.

Так, местные жители Джим Смит и Бенсон Холидей рассказывали, что они, выйдя в четыре часа утра из подвального помещения ночного клуба «Вайт пингвин», видели носившуюся над городом летающую тарелку и слышали голос с неба, приказавший им немедленно спуститься обратно в подвал, что они и сделали. Покинуть клуб приятели осмелились лишь тогда, когда солнце уже поднялось над горизонтом, а улицы заполнились спешившими на работу добропорядочными горожанами.

В показаниях Джима и Бенсона были некоторые расхождения. Джим утверждал, что тарелка двигалась зигзагами и светилась при этом зеленоватым светом. Бенсон наблюдал красное свечение. По его версии, неопознанный летающий объект носился над городом кругами, как «чёрт на помеле», оставляя в ночном небе искристый, светящийся след.

Несмотря на противоречия в свидетельствах «очевидцев», уфолог Джейкобсон в своих последующих статьях и публичных выступлениях обязательно ссылался на этих двух завсегда-таев клуба «Вайт пингвин».

Институт военно-стратегических исследований при Министерстве обороны США заговорил о вероятности высадки в окрестностях Гринхилса исламских террористов, русских или китайских диверсантов. Вражеские агенты, по мнению военных ученых, могли десантироваться с невидимых радаров сверхсовременных дирижаблей и, совершив подлое убийство, с их же помощью эвакуироваться.

Сенатор Майкл Ферри горячо поддержал версию военных экспертов. Судя по дерзости и жестокости, доказывал сенатор с пеной у рта, убийство совершили русские. Они поняли, что в лице президента Ларри Гровера имеют тряпку, из которой можно вить веревки. Такие вещи русским не должны сходить с рук. Попустительство действующего президента самому большому врагу Америки приведет к тому, что русские, окончательно обнаглев, обрушат на США свой ядерный потенциал.

В Новом Орлеане, Детройте, Мемфисе и Сан-Франциско прошли демонстрации сторонников Ферри в поддержку его антироссийских заявлений. Благодаря примитивной риторике, обращенной к малоискушенной в политических вопросах публике, сенатор несколько укрепил свои позиции, потеснив в предвыборной гонке Ларри Гровера.

В ходе расследования ни одна из версий не получила реального подтверждения. Признаки воздействия повышенной солнечной радиации отсутствовали. Пресловутые озоновые дыры над городом не открывались. Гипотеза тайного десантирования диверсионных групп так и осталась гипотезой. Кровожадные русские диверсанты следов на месте преступления не оставили, а коварные инопланетяне не спешили устраивать на месте выгоревшей фермы свой плацдарм.

Защитники природы обвинили американские власти в том, что те устроили ритуальное сожжение и в угоду своим политическим амбициям принесли в жертву пятьсот восемьдесят невинных поросят. Активисты движения «зеленых» организовали протесты у американских посольств в Париже, Бонне, Амстердаме, Канберре и Токио.

Член палаты представителей США, ветеран войны во Вьетнаме, известный своими анти-военными убеждениями, Роберт Бейкер опубликовал статью в газете «Нью-Йорк таймс». Он назвал обвинения воинственного сенатора в адрес России «бредом сивой кобылы».

«Клан Ферри, разжиревший на войне во Вьетнаме, в которой погибли пятьдесят восемь тысяч американцев и свыше трех миллионов вьетнамцев, с маниакальным упорством усматривает “кровавую руку Москвы” в любом происшествии, – писал конгрессмен. – Этот призрак пресловутой «руки» нужен клану, чтобы требовать новых расходов на военные цели, навязывать гонку вооружений и обогащаться, обогащаться, обогащаться».

13. Контракт подписан

Серия каждый вечер молила бога, чтобы он послал Нимфе работу, и Владыка небесный, видимо, услышал ее молитвы. Как-то утром, когда Хосе уехал на работу, а Нимфа ушла на рынок за овощами, к Серие, стоявшей у лотка с товарами, подошла незнакомая женщина в зеленой панаме с изъеденным морщинами лицом пожилой ящерицы и спросила, проживает ли по этому адресу Нимфа Санчес.

– Да, – ответила Серия, – но сейчас ее нет дома.

– Она кем вам приходится?

– Нимфа – моя золовка, живет вместе с нами.

– Тогда передайте ей, – женщина вытащила из сумочки листок бумаги, – это приглашение на собеседование. Наша фирма предлагает работу за границей. Только предупреждаю, количество мест ограничено. Чем меньше народу знает, тем больше шансов будет у Нимфы. В офисе о родственниках пусть не распространяется. Компания предпочитает нанимать одиноких.

Сказав так, «ящерица» распрощалась, быстрыми шажками пересекла улочку, завернула за угол, и ее зеленая панاما, мелькнув последний раз, скрылась из глаз. Серия развернула листок: на собеседование золовку приглашала, фирма «Блювотер».

На следующий день Нимфа с маленькой плетеной сумочкой, в которой лежало удостоверение личности и пятьдесят песо на дорогу туда и обратно, села в джипни, которое из манильских трущоб доставило ее в самый фешенебельный район столицы – Макати.

К назначенному времени девушка была на месте и с робостью оглядывала высокое белое здание «Пасифик стар», в котором в кабинете одиннадцать двадцать семь, как было указано в приглашении, размещался офис компании «Блювотер».

Без четверти десять она неуверенно вошла в просторный, отделанный мрамором холл. Судя по табло на стене, в громадном комплексе арендовали помещения несколько иностранных посольств, десятки турфирм и агентств по продаже недвижимости, представительства авиакомпаний, юридические конторы. У турникета, прикрывающего проход внутрь, Нимфе преградил путь охранник в белой форме с пистолетом на боку и попросил предъявить приглашение и удостоверение личности. Внимательно посмотрел на фотографию, потом на лицо посетительницы, записал ее имя и фамилию в журнал.

– Ваш кабинет на одиннадцатом этаже. Пройдите направо, там лифты.

Хозяйкой нужного Нимфе кабинета оказалась женщина необыкновенной толщины, которая темной горой восседала за овальным офисным столом, занимавшим чуть ли не половину небольшого по площади помещения. Представившись Ребекой Цезарио, она потребовала у Нимфы удостоверение и, скользнув по нему взглядом, небрежно бросила на стол.

– Ты замужем? – спросила Ребека грубым мужским голосом.

– Нет, мам.

– Расскажи мне, как попала в Манилу и где проживаешь.

Сбиваясь от волнения, Нимфа изложила свою нехитрую историю: работала с родителями на рисовом поле, заворчал вулкан Майон, пришлось перебираться в пригороды Манилы. О том, что живет у брата, Нимфа не упомянула, соврала, что снимает комнатку. Сказанное, видимо, понравилось толстухе. Маленький мобильный телефон утонул в её лапище, указательный палец запрыгала по кнопкам.

– Мистер Лэрд? Это Ребека Цезарио, – представилась хозяйка кабинета телефонному собеседнику и, искоса поглядывая на сидящую перед ней посетительницу, стала быстро пересказывать на английском то, что услышала от Нимфы.

Потом инициатива разговора перешла к её собеседнику. Ребека, угодливо кивая тяжелой головой и повторяя, «Да, сэр... конечно, сэр... как вам угодно, сэр», выслушала ответ далекого и таинственного мистера Лэрда.

Закончив разговор, Ребека Цезарио изложила Нимфе условия: домработница в богатой семье в Объединенных Арабских Эмиратах, пятьсот долларов в месяц, контракт на один год с возможным продлением. Триста долларов – подъемное пособие, которое фирма готова выплатить сразу после подписания контракта.

– Согласна?

От такого предложения невозможно было отказаться.

– Да, – радостно закивала Нимфа, которой безразмерная, мужеподобная Ребека показалась в этот момент ангелом, сошедшим с небес.

«Через месяц вышлю пятьсот долларов родителям на обустройство на новом месте, – пронеслось в голове Нимфы. – Затем смогу помочь Хосе с Серией».

– Подпишем контракт, и я выдам подъемные, – толстые пальцы Ребеки с неожиданной проворностью забегали по клавиатуре.

Через несколько секунд пискнул принтер, помолчал немного, словно что-то соображая, задрожал мелкой дрожью и выплюнул листок бумаги с английским текстом. Нимфа, которая знала на английском всего лишь несколько слов, подписала документ, не читая. Тут же на краешке стола перед ней, как по волшебству, нарисовались три бумажки по сто долларов. Девушка завороченно смотрела на них, еще не веря, что на нее обрушилась такая удача.

– Бери, твои, – словно с неба донесся до нее хриплый голос благодетельницы.

Нимфа дрожащими руками схватила купюры и сунула в сумку.

– Ты со всеми условиями согласна?

– Конечно, конечно, – закивала Нимфа, торопливо закрывая сумку.

– Там, в пятом пункте, мелким шрифтом оговорка, на которую такие, как ты, иногда не обращают внимания, а потом задают дурацкие вопросы: «А зачем?», «А почему?». Пока ты не доберешься до места работы, тебе запрещены контакты с Филиппинами, включая почтовые, телефонные и через Интернет.

– А почему так? – удивилась Нимфа.

– Вот и ты с этим «почему», – тяжелый взгляд Ребеки, словно придавил девушку. – Не я выдумала. Таковы условия хозяев. Наша фирма выполняет посреднические функции: богатой арабской семье нужна работница – «Блювотер» нашла. Тебе нужна работа – «Блювотер» её предлагает. Не нравится требование хозяев, откажись. Уверяю, завтра же сюда примчатся сто двадцать безработных, и тогда у тебя шансов не останется. Если не согласна, гони обратно триста долларов.

Вернуть триста долларов?! Три новенькие зелененькие с хрустом бумажки! Такое богатство, о котором еще вчера Нимфа не могла даже мечтать! Отдать деньги обратно было совершенно невозможно!

– Удостоверение я оставляю пока у себя, – сказала представительница фирмы, и документ исчез в ящике стола. Ребека назвала дату и время отъезда.

– С вещами будешь ждать у заднего входа в «Пасифик стар». Провожатых быть не должно.

– Но у меня же еще нет заграничного паспорта и медицинской справки, – забеспокоилась Нимфа.

– Не волнуйся, у «Блювотер» хорошие связи. Все будет готово ко дню отъезда. Там, где живешь, о контракте молчок, трепачей фирма не любит и, если проколешься на болтовне, договор будет расторгнут. А теперь садись на тот стул, – лапища Ребеки Цезарио показала в угол. – Я тебя сфотографирую.

Нимфа не помнила, как выскочила из здания. Это была какая-то фантастика. На автобусной остановке она быстро, чтобы никто не обратил внимания, заглянула в сумку. Зеленые бумажки лежали на дне. Заметив вывеску пункта обмена валюты, зашла.

Парень с одутловатым лицом, которого она увидела в зарешеченном окошке кассы, развалившись на драном стуле, смотрел по телевизору новости из Вашингтона. В его глазах отражались мигалки полицейских машин, в ушах завывали сирены. Девушка неуверенно поступала, парень лениво поднялся, ощупал клиентку подозрительным взглядом.

Включив настольную лампу, он долго рассматривал переданную ему купюру. Поцарапал ногтем лысеющий лоб изображенного на банкноте длинноволосого дядьки, чем-то напomniaвшего Нимфе сильно исхудавшую Ребеку, и сунул деньги в стоявший на столе прибор. Когда машинка, не обнаружив признаков подделки, с тихим шелестом вытолкнула зеленовато-серую бумажку на грязный пластиковый лоток, одутловатый, поплевав на пальцы, отсчитал четыре тысячи семьсот двадцать песо, скрутил пачку тонкой резинкой и бросил на прилавок.

Проделав это, парень утратил интерес к Нимфе и опять уставился в телевизор, на экране которого президент США Ларри Гровер в сопровождении охраны и многочисленных журналистов входил в госпиталь, чтобы лично вручить высокую награду Дюю Финчу за подвиг, который министр сельского хозяйства, не щадя живота своего, совершил для блага американских свиноводов.

14. Синтия Круз в Субике

Над филиппинским портом Субик еще только вставало солнце, когда маленькая серая «тойота» остановилась у шлагбаума на въезде в охраняемую зону. Полицейский тщательно проверил документы и спросил, пристально вглядываясь в глаза женщины за рулем:

– А вам, мам, собственно, зачем в порт?

– Мне нужно по делам бизнеса, в чем вопрос?

– Знаете, мам, вам лучше приехать через недельку. У нас сейчас ввели ограничения на пропуск посторонних, – сказал полицейский, возвращая документы.

– Я не посторонняя, я еду по вызову представителя «Мэритим сервис» Билла Вольфа, – не моргнув глазом соврала Синтия. – Вам он известен, надеюсь?

– Да, но у меня нет на ваш счет никаких распоряжений.

Злые огоньки заплясали в глазах женщины.

– Тогда так, звоните Биллу Вольфу прямо сейчас! Доложите, что я прибыла, и получите распоряжение!

– Но еще очень рано, мам! Это будет не совсем удобно.

– Тогда, если вам неудобно, открывайте! У меня срочные дела, я опаздываю.

Полицейский вернулся в будку, и полосатый шлагбаум медленно пополз вверх, открывая Синтии путь в Субик.

Всю первую половину дня серая «тойота» металась по городу. Ее можно было видеть у ресторанов и гостиниц, а также у тех домов в примыкающем к порту городке Олангапо, в которых размещались красавицы, готовые за умеренную плату скрасить вечерок соскучившимся по женской ласке морякам. К полудню Синтия Круз располагала уже достаточной информацией об объекте своего интереса.

Вечером, когда Билл Вольф сидел за кружкой пива в ресторане «Пирс», к его столу подошла симпатичная филиппинка. Длинное темно-синее платье облегалo ее стройную фигуру, колье из крупного жемчуга поблескивало на смуглой шее.

Она обеим руками поправила волосы и обратилась к американцу:

– Мистер Билл Вольф?

– Билл, – подтвердил тот, ставя на стол недопитую кружку.

– Моя знакомая мадам Лили просила вам передать, что не сможет прислать Марису сегодня, а только завтра, если вас это устроит.

– Не устроит. Завтра мне уже будет не до Марисы. А что случилось?

– Я не в курсе. Просто случайно встретила Лили, и она меня попросила передать.

– Да вы присаживайтесь. – Вольф оценивающим взглядом окинул незнакомку.

Судя по манере держаться, она была не из тех девушек из Олангапо, услугами которых Билл регулярно пользовался.

«Интересная залетная птичка», – подумал американец, а вслух спросил:

– Вы из Манилы?

– Да.

– И когда приехали?

– Сегодня.

– Вам не скучно здесь?

– По правде сказать, соскучиться еще не успела.

– Кружечку пива?

– Нет, лучше бокал красного вина.

Билл поднял вверх указательный палец, подзывая к себе официантку.

Через несколько минут бывший военный атташе уже знал, что девушку зовут Синтия Круз, она занимается недвижимостью.

– А откуда вы знаете Лили?

– Она хочет купить виллу в Маниле, я ей помогаю найти.

– Ну и как успехи?

– Вариант сложный. Лили хочет дешевле и непременно в Дасмариньясе. А это поселок миллионеров. Иметь там виллу, конечно, престижно, но надо выложить сумму, которую Лили выкладывать не хочет.

Официантка расставила бокалы, принесла укутанную белой салфеткой бутылку, показала этикетку Биллу, тот кивнул. Негромко щелкнула пронзенная штопором пробка. Темно-красная жидкость до половины наполнила бокалы.

– За знакомство, – предложил американец.

Синтия сделала глоток и отставила бокал.

– Извините, – сказала она, вытирая губы салфеткой, – но я женщина деловая. Вас или вашу фирму, случайно, не интересует недвижимость в Маниле или где-нибудь в районе Субика? – она указательным пальцем нарисовала круг над головой. – Могу предложить неплохие варианты, как в городе, так и на побережье, в соответствии с вашими запросами и толщиной кошелька.

– Очень интересует, – с готовностью отозвался Билл. – Запросы у нас высокие, а кошелек толстый.

При этих словах в глазах филиппинки что-то блеснуло. Она взяла бокал и торопливыми глотками отпила половину содержимого.

«Заглотила наживку, – отметил про себя американец, – дальше немного техники – и девочка наша».

– Давайте так, сейчас воздержимся от деловых разговоров, спокойно поужинаем, а после этого проедем ко мне в офис и поговорим конкретнее. Хорошо? – Билл поднял свой бокал, приглашая новую знакомую сделать то же самое.

– Договорились. Ни слова о бизнесе, пока не поужинаем.

За час до полуночи Синтия вошла вместе с Биллом Вольфом в гостиницу, в которой представитель «Мэритим сервис» снимал большой номер, и вышла оттуда в сопровождении Билла только утром.

– Помни, о чем договорились, – говорил ей американец, пока они шли к его машине. – Главное, мне нужны факты о коррупции в окружении вашего президента Эмилии Лоренсо, и не забывай «Викторию». Умение этой организации баламутить воду может скоро потребоваться.

– Я поняла, – кивнула филиппинка и предложила: – Может, позавтракаем вместе?

– Не получается. У меня дела в Анджелесе.

– Какие дела могут быть у представителя «Мэритим сервис» так далеко от берега моря? Небось опять девочки? – Синтия шутливо погрозила пальцем.

– Нет, что ты. Сегодня не до девочек. Полиция Анджелеса разыграла партеечку и взяла одного моего соотечественника, как говорится, «на даме». Придется подсуетиться, чтобы вытащить парня из тюрьмы.

– А-а, – протянула филиппинка, – дело житейское, только не понимаю, зачем тебе в него встревать, когда в Маниле сидит американский консул?

– Нет, консула сюда впутывать мне не с руки. Я сам побегаю, но парнишка, который вляпался, за мои хлопоты заплатит по полной... Короче, тебе это совсем не нужно. До Анджелеса едем вместе, а дальше уже по своим маршрутам. Вот, возьми, – Билл протянул визитку. – Можешь звонить в любое время. Деловые вопросы по телефону обсуждать не следует, но, если они возникли, всегда можно договориться о встрече.

Американец подвез женщину к стоянке, на которой она ночью оставила «тойоту». Перед тем как расстаться, поцеловались.

Две машины долго мчались одна за другой по ленте пустынного шоссе, соединяющего Субик с трассой на Манилу. После того как с правой стороны, за серыми заборами, показались ржавые крыши Анджелеса, Билл, помахав на прощанье, взял правее, Синтия, не сбавляя скорости, пронеслась дальше.

– Хорошо сработала, – похвалила Ани Ламерт помощницу.

Особое внимание журналистки привлек интерес Билла Вольфа к окружению президента Эмилии Лоренсо и к организации «Виктория».

«Уж не готовит ли адмирал Кондраки “цветную революцию” на Филиппинах? – подумала она. – Надо бы слетать туда, как представится возможность».

15. Яхта «Калифорния»

– Эта «Блювотер» похожа на фирму-призрак, – обеспокоенно сказал Хосе, узнав, что в офисе компании у Нимфы забрали удостоверение личности, не выдав взамен расписку. – Обманут тебя и испарятся. Придешь туда еще раз, а там ни вывески, ни фирмы, ни этой твоей толстой, только рабочие красят стены для нового съемщика. Придется заявлять в полицию и оформлять новое удостоверение. У тебя должны были остаться расписка, экземпляр контракта, который ты подписала... хоть что-то реальное.

– А это, по-твоему, нереально? – Нимфа бросила на стол пачку, песо и две зеленые купюры.

Против этих доказательств у Хосе не нашлось аргументов. Такие деньги никакой идиот просто так выбрасывать не станет.

– Может, ее в проститутки вербуют или куда еще в нехорошее место? – предположила Серия, когда они остались с мужем вдвоем.

Хосе озабоченно посмотрел на жену.

– Я попрошу Нимфу, чтобы по прилете на место сразу нам позвонила.

– Конечно, она должна нам обязательно сообщить, – согласилась с мужем Серия, – чтобы мы не волновались. Все-таки фирма эта странная.

В названный Ребекой день Нимфа Санчес явилась к зданию «Пасифик стар» за час до назначенного времени. Поставив на ступеньки потертый чемодан, стала ожидать. Через некоторое время подошла маленькая плотная женщина лет сорока с сумкой на плече. Остановившись неподалеку, она искоса взглянула на Нимфу и отвела взгляд.

«Наверное, еще одна работница», – подумала девушка.

Помня инструкции Ребеки не болтать лишнего, Нимфа знакомиться не стала, однако само присутствие другой кандидатки успокаивало. Затем появился стриженный наголо худощавый мужчина с чемоданом, к нему подошел другой, небольшого роста, коренастый, с усами. Оба пришедших закурили и заговорили о чем-то между собой. Остановился джипни. Из него вышла тоненькая, совсем молоденькая девушка и стала в сторонке.

К месту сбора подкатил микроавтобус, за рулем которого сидела Ребека. Все загрузились. В салоне познакомились. Женщину, подошедшую к «Пасифик стар» вслед за Нимфой, звали Аналин, тоненькую девушку – Тереза. Усатый крепыш представился Ноэлем, другой мужчина – Эрвином.

К удивлению пассажиров, автобус направился не в международный аэропорт, а свернул на бульвар Рохас.

– В морской порт везут, – повертев по сторонам головой, сказал Ноэль.

Он оказался прав. Промчавшись мимо утопающей в зелени гостиницы «Манила», автомобиль свернул с бульвара налево. Микроавтобус без проблем миновал два поста портовой охраны. На первом Ребека что-то сказала часовому, на втором показала какую-то бумагу.

У пирса покачивалась моторная яхта метров двадцати длиной с надписью «Калифорния» на борту. Изящный стройный корпус судна был выкрашен в великолепный темно-синий цвет, надстройки сияли ослепительной белой краской. Скошенные надпалубные сооружения и овальные иллюминаторы с затемненными стеклами придавали кораблику хищный и стремительный вид.

У борта судёнышка прохаживался высокий блондин в темных очках. Заглушив двигатель, Ребека подошла к нему, о чем-то переговорила, передала серый бумажный пакет и, обернувшись к автобусу, дала команду на выход.

– Поплывете на этой яхте. Мистер Лем будет вас сопровождать.

Тот, кого она назвала Лемом, ухмыльнулся, обнажив два выступающих вперед, как у кролика, зуба, и жестом показал филиппинцам подниматься за ним по трапу. На чистой дощатой палубе стояли двое мужчин европейской наружности.

Один среднего роста со стянутым на затылке резинкой пучком русых волос и с серебряной серьгой в ухе, другой худой, с курчавой рыжей шевелюрой и такой же рыжей козлиной бородкой. Как только все филиппинцы оказались на борту, эти двое сбежали вниз и стали отвязывать швартовочные канаты от причальных тумб.

– Этот с серьгой моряк, – глядя на быстрые и уверенные движения одного из парней, – прошептал Ноэль, оказавшийся рядом с Нимфой. – Настоящий моряк. А тот рыжий, видно, не так давно пристроился на яхту, навыка никакого.

– Вы, что же, моряк? – спросила девушка.

– Десять лет отплавал. Все океаны прошел кроме Ледовитого, – с гордостью признался Ноэль.

– А я садовник, – сказал Эрвин. – Не знаю, что буду делать в Эмиратах. Там же, говорят, пустыня и ничего не растет.

– Дубай стоит на песках, но деревья и трава выращиваются на искусственном поливе, – возразил ему Ноэль. – Если фирма тебе денежки заплатила и везет, значит, знает, что работа найдется.

Возвратившись на яхту, парень с серьгой скрылся в рубке. Его напарник втащил трап.

– Боцман, поехали! – махнул рукой Лем.

Застучал двигатель, и «Калифорния» стала медленно отходить от пирса. Остались позади портовые причалы с громадными судами и ржавыми буксирами, обвешанными стертymi автомобильными шинами. За кормой яхты вспенились белые буруны, и она, набирая скорость, взяла курс в открытое море. Предзакатный смог, окутавший столицу, размыл силуэты удаляющихся высотных зданий.

– А где наши документы? – забеспокоилась Аналин.

Лем поднял над головой серый пакет.

– Документы здесь, вы их получите по прибытии. Мобильные телефоны на время путешествия сдайте Чарльзу, – он показал на человека с рыжей шевелюрой, который уже стоял наготове с черной кожаной сумкой в руке. – Сейчас вас расселят по каютам. Багаж пока оставьте на корме, вам его принесут после размещения.

Рыжий собрал телефоны и вступил на узкий трап, ведущий вниз. Филиппинцы двинулись за ним. Последнее, что увидела Нимфа, – багровый диск солнца, уже наполовину провалившийся в океан.

В числе пассажиров яхты оказался и Дэн Ливингстон, которого часом ранее доставил в порт сам Билл Вольф. Когда филиппинцы спустились в тесный, освещенный лампами дневного света коридор, они услышали хриплый голос.

– Ты, шестёрка, сколько можно держать меня в этой клетке?! Открой, рыжий козёл, я хочу на палубу!

– Успокойся, Дэн, слишком рано, – ответил ему Чарльз. – Мы пока еще в филиппинских водах.

Аналин, бросив быстрый взгляд на Нимфу, недоуменно пожала плечами и покачала головой.

В каюте, в которой разместились Нимфа, Аналин и Тереза, не было иллюминатора, но ярко светили круглые, встроенные в потолок лампочки. На стенах висели три откидные койки. Восемнадцатилетняя Тереза впервые надолго расставалась с семьей и выглядела подавленной. Опытная Аналин, которая уже в третий раз выезжала на работу за границу, дружески похлопала Терезу по хрупкому плечу и сказала, что в Эмиратах такую молодую и симпатичную обязательно заметит богатый принц, возьмет девятой женой и будет содержать, как принцессу.

Главным на яхте, команда которой состояла из трех человек, был Лем, управлял суденышком Арнольд, тот самый по кличке Боцман, которого Ноэль назвал «настоящим моряком». Чарльз исполнял роль прислуги за всё.

– Тот, который плывёт с нами в другой каюте, точно определил место рыжего в команде. Так оно и есть, «Козёл», «Шестёрка», – сказала как-то Аналин и презрительно сплюнула.

Кормили неплохо. Трижды в день козлиная борода Чарльза просовывалась в дверное окошко. Серые глаза ощупывали каюту, после чего он передавал внутрь поднос с едой. Ноэля и Эрвина на протяжении всего путешествия женщины не видели.

16. Капитан Пакман

Командир подводной лодки «Страйкер» Генри Пакман проснулся в спальне скромной одноэтажной виллы, одной из тех, в которых проживают на острове Руам семьи офицеров среднего звена.

Через желтые занавески пробивался солнечный свет. Под потолком слегка посвистывал кондиционер. Катрин в комнате не было, из кухни доносилось шипение чайника. Генри с удовольствием потянулся всем телом, вспомнив вчерашнюю ночь.

Ему привиделось лицо Катрин, как всегда в моменты близости озаренное изнутри каким-то блаженным светом, полуоткрытый рот, чуть прищуренные глаза. «Сладенький мой, Сладенький мой!» – шептала она в жаркой истоме.

Катрин заглянула в спальню.

– Иди сюда, – поманил ее Пакман.

Она приблизилась к кровати и, наклонившись, поцеловала мужа в губы. Халатик на груди разошелся. Генри обнял жену за талию и, ощущая сквозь ткань гибкое теплое тело, притянул к себе.

– Нет, не сейчас, – прошептала Катрин, высвобождаясь из его объятий. – Потом, ты ведешь себя не как джентльмен.

– О чем ты? – удивился Генри.

– Ты меня еще за вчерашнее не поблагодарил, – рассмеялась Катрин, запахивая халатик. – К тому же Эллин придет с минуты на минуту. Хорошую же картинку мы ей покажем.

– Эллин, слава богу, уже трех детей родила и знает, что муж, возвратившись из недельного похода, укладывается с женой в постель не для того, чтобы обсуждать политические новости. Кроме того, у нее много другой работы, и она не будет первым делом совать нос в хозяйскую спальню.

– Нет, я, правда, не могу. Приходи, лучше завтракать. Мне надо на йогу. Неудобно, если женщины придут, а я опоздаю.

Катрин вела занятия йогой для жен офицеров и относилась к этому чрезвычайно серьезно.

– Ты, знаешь, – сказала она, наливая мужу чай в фарфоровую чашечку с драконами, – сегодня увидела в Интернете, что с тобой в Даляне был адмирал Кондраки. Он встречался с каким-то русским и китайцем. Почему же ты мне этого не сказал?

– Во-первых, не адмирал был со мной, а я при адмирале, так будет точнее. А во-вторых, с кем он встречается и о чем разговаривает – это военная тайна, которую я – офицер флота, согласно подписанному мною контракту не имею права доверять женщине, для которой какая-то дурацкая йога дороже любящего мужа.

– Никакая она не дурацкая, – обиделась Катрин за йогу. – А контракт твой истекает через полгода, и я бы очень хотела, чтобы ты его не продлевал. Надоело так жить. Никогда не знаешь, что будет через час. Ничего нельзя спланировать, хотя бы на день вперед. И о дочери пора подумать. Ей уже двенадцать лет. Три года живет у мамы в Ричмонде, три года без родителей. Брать ее сюда? Что девочка увидит на этом Руаме кроме матросов, кораблей, да пушек?

– Я моряк, вопрос этот для меня давно решен! Не будем переливать из пустого в порожнее!

– Какой ты моряк?! Как бруклинский таксист перевозишь с места на место этого надутого индюка в адмиральских погонах, а ему наплевать на всех кроме собственной персоны. Чихать он хотел на тебя и твои заботы, тем более на интересы жены и дочери.

– Я и в самом деле моряк, хороший моряк и служу не Кондраки, а Америке. Решение для себя принял и с лодки уходить не собираюсь.

– Ну, давай, моряк, рули только без меня! – хлопнув дверью, Катрин выскочила из спальни.

Генри слышал, как она раздраженно двигала стулья, открывала и закрывала шкафы в соседней комнате. Через две минуты возвратилась обратно с покрасневшими глазами. Наклонилась и поцеловала его в губы.

– Извини за то, что я наговорила. Просто устала ждать тебя из походов. Ты выходишь в океан, а я, такая дура!.. У меня одно в голове: вернется или не вернется твоя железная скорлупка обратно. Наверное, я слишком тебя люблю.

Катрин отошла от кровати и, обернувшись, с порога помахала ему рукой:

– Чао, «хороший моряк», я пошла.

Генри слышал, как завелся ее «форд» и, поскрипывая шинами, покатился по бетонной дорожке. Потом стукнула дверь в прачечной. Значит, Эллин пришла и занялась гладкой.

Филиппинка была хорошей помощницей. Ранее она два года отработала в Кувейте, откуда привезла с собой на родину семь тысяч долларов.

Вечером мечтали с мужем, как купят дом в своей деревушке на острове Миндоро, передут туда с детьми и с такими-то деньгами заживут, как белые люди.

Утром, пока Эллин спала, муж взял доллары и пошел на петушинные бои. Вернулся через три дня, проиграв все. Эллин выгнала гуляку. Пришлось опять оставлять детей на попечение матери и наниматься на работу за границей. Так она оказалась на Руаме.

Пакман вышел из дома, посмотрел на газон и торчащие на нем две жиденькие пальмы, которые совсем не давали тени. Солнце уже поднялось высоко и припекало. Постояв немножко под навесом, Генри возвратился в помещение.

Воздух на вилле, как всегда по утрам, пропитался запахами моющих средств. Маленькая филиппинка с остервенением драила шваброй кафельные полы в холле. Она все делала энергично, но с выражением какой-то ненависти на лице. Увидев Пакмана, женщина чуть посторонилась.

– Добрый день, сэр, – вежливо, но строго приветствовала она хозяина.

Опущенные в вечной печали уголки рта Эллин никогда не поднимались при встрече с Генри, и, как думала Катрин, филиппинка, наученная на собственном горьком примере, презирала всех мужчин.

«Страйкер» проводил больше времени в походах, чем у своего причала, и капитан Пакман не так часто бывал дома. Подлодка выполняла особые поручения адмирала. На ней Кондраки посещал разбросанные от Аляски до африканского побережья базы подчиненной ему группировки, наносил тайные визиты лидерам государств региона, руководителям военных ведомств.

Выполнив очередное задание, лодка, не всплывая, приближалась к острову Руам и по проложенному для нее фарватеру скрытно входила под своды подземного убежища.

Здесь, невидимая для посторонних глаз, она поднималась на поверхность и, пришвартованная к причальной стенке, ожидала новых адмиральских заданий.

Из кабинета Кондраки к гавани, укрытой толщей земли, вел тоннель, длиною в двести пятьдесят метров, по которому адмирал мог в любое время добраться до субмарины. «Страйкер» был оборудован по последнему слову техники, и Кондраки, находясь в плавании, мог поддерживать непрерывную связь с кораблями и береговыми объектами. Командующий не любил предупреждать подчиненных о своих планах заранее. Он мог вызвать Пакмана в любое время дня и ночи и отправиться на «Страйкере» за тысячи километров от Руама.

Щелкнул пульт, и загорелся плоский телевизионный экран. Генри обычно не включал телевизор по утрам, но за неделю полной информационной изоляции он соскучился по новостям.

Показывали громадный, под завязку набитый народом спортивный дворец, украшенный гирляндами шаров и плакатами в поддержку Майкла Ферри. В центре импровизированной сцены перед микрофоном стоял сам Питон – невысокий, широкоплечий человек с орлиным носом и кривыми кавалерийскими ногами, справа, чуть позади, находилась его жена Элизабет, далее человек двадцать ближайших помощников и крепкие ребята из охраны.

– Я дам вам будущее, я дам вам работу. Все сделаю, чтобы наша доблестная армия стала по-настоящему сильной и непобедимой. Только военная мощь избавит Америку от унижений и никому не позволит разговаривать с нами с позиции силы. Я поставлю на место русских и китайцев, заставлю Европу безропотно следовать за нами! Слава Америке! – прокричал пунцовый от напряжения Майкл, и тысячи флажков затрепетали над головами митингующих.

Зал взорвался экзальтированными криками, которые перешли в дружное скандирование: «Питон – президент! Питон – президент! Питон – президент!».

Беснующийся в экстазе громадный зал исчез, и весь экран заполнил внушительный бюст темнокожей ведущей. Она перечислила штаты, в которых согласно опросам наибольшей популярностью пользуется Майкл Ферри, а затем те, в которых преимущество имеет действующий президент Ларри Гровер. Ведущая попросила обозревателя Джеймса Керка прокомментировать ситуацию.

Мысль опытного аналитика сводилась к тому, что, хотя на сегодняшний день рейтинг Ферри на три процента превосходит рейтинг действующего президента, предвыборный расклад может измениться в любой день, и на данный момент никто из серьезных и действительно независимых политологов не может предсказать результаты предстоящего голосования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.